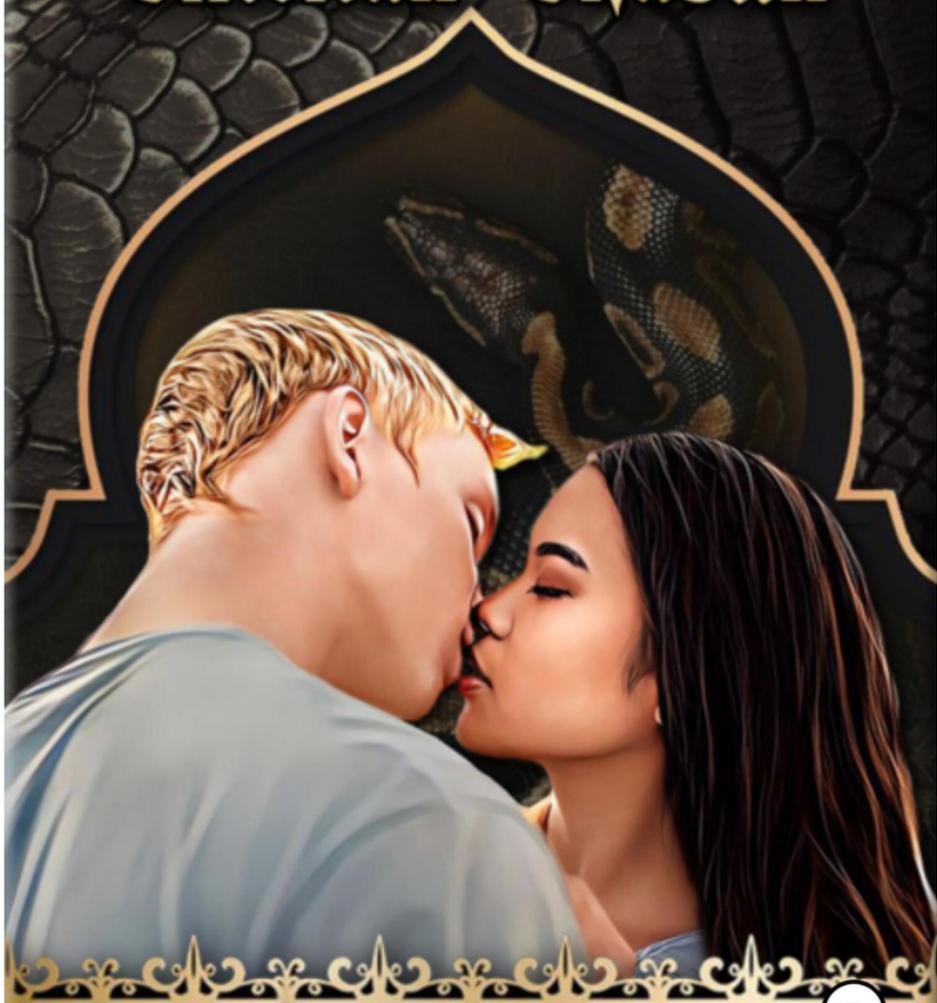

Стенан Сказин

18+

Любовники змеи

Степан Станиславович Сказин

Любовник змеи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69427546

SelfPub; 2023

Аннотация

Он – наивный паренек "со странностями", тяготящийся "заботами" меркантильного дядюшки. Она – обворожительная восточная красавица с фото в интернете, в которую бедный юноша влюбляется без памяти. Но с красавицей не все так просто. Что если она – и не человек вовсе, а могущественный оборотень?.. Любовь зла: полюбишь и... змею, пища которой – кровь и сексуальная энергия. Так что делать нашему герою?..

Степан Сказин

Любовник змеи

1. Зона комфорта

Я променял одиночество и тоску на жаркие и опасные объятия демоницы. А вы бы поступили иначе?..

Вообразите себе: летающая тарелка потерпела крушение. Зеленый человечек-инопланетянин оказался заброшен на Землю – где безумные толпы осаждают бутики в надежде приобрести по акции модные туфли; где людоедство, царящее в глухих уголках Африки, сочетается с утонченным каннибализмом западной буржуазии, которая объедается угрями и омарами, пока пролетарии подрывают здоровье в шахтах и на заводах.

Я чувствовал себя не меньшим чужаком среди так называемых «хомо сапиенсов», чем несчастный марсианин с ушами-локаторами. В свои девятнадцать лет я ощущал себя битым жизнью блохастым тощим псом, питающимся на помойке. Я ненавидел и презирал общество, атомом которого являлся.

Я бы раздавил глотку блистательным богачам в галстуках и бабочках – за то, что чертовы денежные мешки исполинскими пиявками сосут кровь из бедняков. Но и в угнетенный «простой народ» мне хотелось – отрывисто засмеявшись и

выпучив глаза – плюнуть ядовитой желчью.

Почему вы – стонущие под пятой финансовых воротил и государственных китов-бюрократов – ничего не делаете для того, чтобы изменить свое положение?.. Выходите на улицы. Жгите полицейские участки. Свергайте правительство. Забивайте себе хлеб и волю.

Так нет же. Вы предпочитаете лакать пиво перед телевизорами – глазами и ушами впитывая лживые новости. Как куклы, которых дергают за ниточки, вы каждые четыре года поднимаете руки, голосуя за царька-президента – обладателя тонких усиков и героя матерных анекдотов.

Наиболее сильное отвращение вызывали у меня зажиточные обыватели – жирная кремовая прослойка между капиталистами и неимущими. Всем довольные урчащие сытые коты: адвокатишки в безукоризненных пиджаках и с гелем на шевелюре – мелкие клерки, за чашкой кофе сплетничающие о своем начальстве – профессора с отполированными лысынами.

Именно это сословие пушистых котят создавало обществу благообразный фасад. Пока юристы и доценты обсуждают за чаем мировую политику и курс червонца, сдают квартиры в аренду и летают в отпуск в Тунис – не так слышны вопли обманутых, обворованных, растоптанных.

Я на дух не переносил все классы общества.

Но что я мог сказать о себе – благородном принце в белых перчатках?..

А ничего. Или словами из песни: «И я такой же – только хуже».

Во всяком случае: не лучше.

Подходил конец второму десятку лет моей жизни – а я ни разу нигде не работал. Не развозил долбаным курьером документы. Не раздавал рекламные листовки у метро. Не мыл туалеты в кафе. Я мог сколько угодно клеймить буржуев паразитами – а сам привык задаром есть каждый день яичницу с луком и колбасой, а по воскресеньям и пиццу на пышном тесте.

Я и не учился: из университета меня выбросили, как сделавшего лужу щенка. Впрочем, это обстоятельство не сильно меня удручало: учеба на юридическом факультете, куда меня засунули еще папа с мамой, пока были живы – была для меня хуже горькой редьки.

Я остался в родительской квартире один, как перст.

Просыпаясь незадолго до полудня на смятой простыне, я хотел проклинать солнце за то, что оно взошло. С опухшими глазами и взлохмаченными волосами, я в одних трусах топал в ванную, чтобы кое-как поплескаться на физиономию теплую водицу.

День проходил за самоедством, компьютером и попытками читать. О, круг чтения у меня был самый широкий!.. Меня одинаково занимали «Происхождение видов» Дарвина с комментариями современных биологов, утопические романы семнадцатого столетия и ВУЗовский учебник «История

Древнего Востока».

Но очень скоро буквы начинали плясать у меня перед глазами. Я швырял книгу на пол – а сам, чуть не плача, валился на кровать.

Литература рисовала мне необъятный мир: переселения народов, вращение светил в космосе и прочие движения материи. Но сам-то я оставался жалкой гусеницей в коконе, которая никогда не превратится в бабочку!..

Я-то никогда не напишу книгу – ибо по моим извилинам гуляет ветер. Мне нечего сказать человечеству. И героем книги я тоже не стану. Книжки пишут об ученых, революционерах, на худой конец – о преступниках.

А я?..

Я тварь дрожащая. Бледное ничтожество. Прыщ на коже общества, которое я так презираю. Мне не по зубам сделать что-то по-настоящему хорошее – как, впрочем, и плохое.

Раз в месяц меня проводывал дядя.

Трепал меня за плечо, с головы до ног ощупывал оценивающим взглядом – и спрашивал:

– Ну как ты тут?..

– Нормально... – вымученно улыбался я.

Мы с дядей шли в супермаркет. Катя тележку по рядам, дядя кидал в нее два кольца копченой колбасы, пакет яблок, тюбик майонеза, две пачки риса и еще много всякой всячины.

Мы возвращались домой. Дядя варил суп – щи, горохо-

вый или харчо. Мы ели. Потом дядя отстегивал мне солидную сумму червонцев – ровно столько, сколько мне хватало, чтобы без крестьянской экономии просуществовать месяц.

Еще раз напоследок ощупав меня взглядом, дядя говорил: – Бывай здоров!..

И уезжал.

Я провожал дядю ханжеской улыбкой – а сам чуть не кашлял от злости.

Я ненавидел дядю за то, что живу его подачками. Что мне не хватает силы воли устроиться хотя бы оператором колл-центра – съехать в съемную комнату – освободиться от унижительной дядиной опеки. Нет – я, как комар в смоле, увяз в зоне комфорта!..

Я знал: дядя втайне мечтает меня женить.

«Умная», уважающая старших девица из хорошей семьи (тех самых зажавшихся обывателей) поставит мне на голову свой каблук. И «волшебным пендалем» заставит меня восстановиться в университете. Чтобы через три года я выпустился хотя бы с синим дипломом. Надел бы пиджак, повязал галстук – и пошел бы работать в юридическую консультацию.

А дальше мы с «правильной» Машей (Глашей, Сашей) наплодим деток – чтобы дядя под старость мог поняньчиться с внуками. Мы бы приглашали дядюшку на Новый год, День Весны, Праздник независимости республики. А дядя одаривал бы шоколадом наших деток – которых сажал бы себе на

колени.

Бр-р-р!..

Меня тянуло блевать.

Даже планируя мое будущее – дядя думал, перво-наперво, о самом себе.

Та зима была особенно тяжелой для меня.

За окном беспрерывно валил снег. Казалось: весь мир утонул в белой тьме.

Мне хотелось только лежать, завернувшись в шерстяное одеяло. Листать иногда глупый приключенческий роман – чтобы заглушить жужжание безрадостных мыслей под черепной костью. А еще я мечтал о самоубийстве.

О, как чудесно было бы разом положить конец всем своим страданиям!.. Осколком стекла вспороть себе вены или перерезать горло. Наглотаться смертоносных белых таблеток. Захрипеть в туго затянутой петле. Шагнуть в окно...

Но что-то меня останавливало.

2.Цветок и шмель

Что-то удерживало меня от суицида. К чести своей скажу: это были не только нерешительность и малодушие. Признаюсь откровенно: я жаждал любви.

Да. Каким бы я ни был «страдающим эгоистом» а-ля Евгений Онегин – я не утратил наивной веры в чистую любовь. В любовь, которая и сине-зеленую муху превращает в белого

МОТЫЛЬКА.

Мне снилось по ночам: однажды я встречу прекрасную девушку (а не какую-то дядину Глашу) – и мир заиграет для меня всеми красками радуги. Я перестану быть таким жалким и желчным. У меня будто вырастут крылья. Мне даже все равно станет на сальных зажавшихся обывателей.

Как художник кистью – я рисовал себе образ свое будущей возлюбленной. Прекрасной, как ангел. О, я ее обязательно встречу!..

Любить – это значит делиться тайнами. Понимать каждое движение душ друг друга. О, одна мысль о настоящей любви наполняла меня священным трепетом!..

Выводить портрет восхитительной лицом и сердцем небесной красавицы мне было тем легче, что я совсем не знал реальных девушек. Как вы понимаете: я дремучий интроверт. Я в жизни ни одну девушку за руку не держал. Не говоря уже о том, чтобы целоваться.

Все мои попытки найти себе пару сводились к тому, что я окучивал сайты знакомств. Обычно выходило так: я два часа листал женские анкеты, десяти-двенадцати девушкам писал робкое «привет!..» – а потом срывался и открывал порносайт.

Глотая слюну – я прикасался к запретному плоду. Горящими глазами смотрел ролики со смазливymi актрисами; фотографии моделей в жанре «ню». Сильнее всего меня заводили видео с японскими лесбиянками.

После просмотра порно я дня на три проваливался – как в яму – в черную депрессию. Меня мучили горький стыд и осознание того, что обнаженное девичье тело я могу видеть только на экране ноутбука.

В ту ночь с января на февраль я не надеялся выцепить девушку с сайта знакомств и не планировал любоваться порно. Я просто хотел немного расслабиться.

За окном падал снег; висела апельсиновая луна. Лампа в комнате была погашена. Светился только экран мерно тарахтящего ноутбука. Моя огромная тень зыбилась по стене.

Я потянулся, размял пальцы – и пробил в поисковике: «Красивые девушки».

Дисплей немедленно выдал мне десятки миниатюрных изображений. И одно... сразу притянуло мой взгляд. Это был какой-то рок. Я задрожал, нервно дернулся и щелкнул по картинке «увеличить».

Я застыл с широко распахнутыми глазами.

С экрана на меня смотрела обворожительная красавица.

В красном платье до колен, которое не прикрывало рук – девушка полулежала в комфортабельном кресле. Ее черные – как уголь – волосы ниспадали потоком. У нее была нежно-смуглая кожа, изящно изогнутые брови, длинные ресницы. Дерзко смотрели агатовые рысьи глаза – полные огня.

Передо мной была настоящая кудесница. Воплощение тюркской красоты с примесью монгольской. Я был очарован, околдован.

Я глядел на фото – а сердце мое гремело янычарским барабаном. Я смотрел, смотрел – точно пил глазами нектар, как шмель хоботком из чашечки цветка.

Да. Девушка была цветком – а я влюбленным шмелем.

Я не знал ее имени. Я вообще ничего не знал о ней. Но когда я увидел ее фото – точно прозвучала труба судьбы.

Я понял: мне недостаточно смотреть на фотографию красавицы – как я пялился на фото сотен других девушек. Мне обязательно надо знать: кто эта прелестница?.. – откуда?.. А иначе мое сердце разорвется на тысячу кусков.

К счастью, кое-что выяснить о девушке было не так сложно. Ее фотка была размещена на сайте театра «Белая луна» – на страничке, посвященной красавице.

Бегло прочитав текст на страничке, я узнал: девушку зовут Акбала. Акбала – одна из ведущих танцовщиц в театре. На страничке было выложено еще несколько фоток Акбалы. У меня перехватило дыхание и мурашки запрыгали по спине – будто я добрался до клада.

Вот Акбала в образе египтянки. Белое тонкое платье на двух бретельках, брошка в виде скарабея, синий цветок в волосах...

На другом фото Акбала исполняла восточный танец. Ее плечи, живот, осиная талия были неприкрыты. Под лифчиком в блестках – угадывались наливные яблочки груди.

На следующем фото Акбала позировала с веерами. Одним веером она закрывала грудь, вторым – интимное место по-

ниже живота... Кажется: на девушке не было никакой одежды... Чуть затуманенные удлинённые глаза смотрели с вызовом. О, этот взгляд переворачивал мне душу!..

В конце текста, посвященного Акбале – была размещена ссылка на профиль девушки в социальной сети.

Ура!..

Я погрузился в изучение профиля Акбалы. Лента была наполнена видео – на которых красавица исполняла зажигательные танцы; фотографии разной степени пикантности чередовались с цитатами из древнеегипетских стихотворений и из трактатов о танце и пантомиме; с собственными размышлениями Акбалы об искусстве, жизни и любви.

Все это выдавало в Акбале большую умницу. Мысли девушки были на удивление ясные и оригинальные. Меня поразил – например – такой ее афоризм: «Лучше катить свою маленькую тележку – чем идти во главе большого каравана». О, как прекрасно, когда у девушки нежное личико и точеная фигурка соединяются с острым разумом.

Само собой: с Акбалой хорошо было бы в постели. Но не только в постели. С Акбалой есть о чем поболтать за чашкой чая. Да и в постели – после секса – Акбала развлекала бы возлюбленного утонченной беседой, как афинская гетера.

Я тоже был зарегистрирован в той социальной сети. И решил.

Прерывисто дыша – дрожащими пальцами я настучал сообщение Акбале. И на этот раз меня хватило на большее,

чем на жалкое «привет». С вдохновением поэта я набрал несколько пылких строк, в которых говорил, что являюсь почитателем сценического таланта Акбалы и вообще в полном восторге от нее. «Я очень хочу с вами познакомиться».

Отправив сообщение, я – ссутулившийся, с прыгающими по спине мурашками – еще с четверть часа торчал перед ноутбуком. Будто ждал, что Акбала ответит.

Но глубокой ночью – когда за окном в снежной пелене горели только желтые глаза одноногих фонарей – девушка была, конечно, «оффлайн».

Я живо представил: Акбала лежит под одеялком в маленькой кроватке – и улыбается во сне. Господи, до чего мило!.. Я бы – наверное – полжизни отдал за то, чтобы побыть котиком, урчащим в ногах спящей Акбалы.

Что делать?.. Надо было и мне отправляться в постель. Я подумал: до самого утра я буду видеть Акбалу в эротических снах. А когда открою глаза – меня будет ждать в социальной сети ответное сообщение Акбалы. По крайней мере – я всем своим исстрадавшимся сердцем верил: Акбала мне напишет. А иначе белые дни превратятся для меня в полярную ночь. Я утрачу последние остатки веры во вселенскую справедливость...

Ворочаясь под одеялом и силясь заснуть, я фантазировал о том, как сладко было бы – в самом деле – побеседовать с Акбалой за кружкой чаю, печеньем и разноцветными конфетами. Открыть перед чуткой девушкой свою израненную

душу.

Вот что я рассказал бы Акбале – если б звал красавицу в гости.

3. Непрерывная революция

В восемнадцать лет – начиная учебу на втором курсе университета – я был на две меры менее озлобленным на мир, чем сегодня; и на три меры более романтиком.

Я был – можно сказать – пробившимся из земли тонким зеленым стеблем. И – повернись колесо обстоятельств по-иному, чем это получилось – из меня выросло бы совсем не такое колючее дерево, каким я оказался теперь.

О, тогда я не ненавидел мир!.. Глядя на его несовершенство, я мечтал о том, как можно все исправить.

Скучая на лекциях – слушая, как очкастые профессора с лоснящимися лысынами жонглируют терминами вроде «права человека», «подсудность деяния» и «презумпция невиновности» – я подмечал, что господа законники, со времен самого Хаммурапи, не сделали человечество ни на грамм счастливее.

Вот если бы адвокаты всех стран объединились. И настроили бы иск в пользу всех угнетенных, униженных, обделенных – призвав к ответу воров, обжор и плутов... Восторжествовала бы тогда мировая справедливость?..

Хех!.. Да кто же верит в сказки?..

«Декларация естественных прав и свобод человека» давно написана. Короли и президенты жертвуют миллионы долларов в международный комитет по борьбе с бедностью и последствиями войн. С высоких трибун произносятся страстные речи о необходимости заботы об экологии. Вот только жизнь на нашем зелено-голубом шарике не становится легче.

Сеньоры будущие адвокаты – мои сокурсники – и не горели желанием спасти человечество. В роскошной столовой факультета студентки поглощали бутерброды с копченой колбасой, с паштетом и с семгой, крабовый салат и кремовые пирожные. И вели позорные – с моей точки зрения – разговоры.

Кто-то хвастался: «Меня папаша на лето в юридическую контору устроит. Будет у меня практика». Другой раздувался, как лягушка: «А я пишу иски по жилищным спорам. Зарабатываю по три с половиной тысячи червонцев за иск!..».

Студентки грезили о том, как закончат университет, сядут на теплые местечки в адвокатских коллегиях и не будут знать недостатка в деньгах, качественном алкоголе и женщинах; будут ездить до комфортабельного офиса на шикарных авто и летать в отпуск на Багамы. И никому из этой «золотой молодежи» не приходило в голову сказать: «Я стану защитником обиженных и слабых!..».

Я тоже – бывало – захаживал в столовую перехватить чашку кофе и бутерброд с беконом. Но кусок застревал у меня в горле. В голове вдруг стучало: «Пока я здесь шикаю – ка-

кой-нибудь ребенок в Южной Индии пухнет от голода». Или: «Я учусь в институте. А сыну сантехника дяди Коли ВУЗ никогда не светил – потому что оплата обучения рабочей семье не по скромному бюджету».

Иногда меня так и скручивал в морской узел жгучий стыд перед больными африканцами, голодными индусами, изнасилованными девушками и бомжами. Чем я лучше всех этих несчастных людей?.. За что мне дана привилегия вкусно есть, сладко спать, каждое утро принимать душ?..

Мне хотелось – как мифическому Христу – искупить своей болью все страдания рода человеческого.

Своими мыслями я – разумеется – не делился ни с кем из сокурсников, даже с теми, кто держал меня в приятелях. Озабоченные совсем другими материями сверстники – в лучшем случае посмеялись бы надо мной и прозвали бы «Исусиком». Чувствуя, что от товарищей по университетской скамье меня отделяет глухая стена непонимания – я все больше замыкался в себе; превращался в хмурого молчуна.

Так почему мир полон скорбей?..

И что с этим делать?..

К чести моей: решая эти вопросы – я не ступил в трясину религии.

Мне хватило ума понять, что переключивание ответственности за все хорошее и за все плохое на невидимые сущности – на бога и дьявола – это тупиковый путь.

Вообще: религиозная картина мира была мне неприятна.

Мне не хотелось представлять, что мои покойные родители – свесив ножки вниз – с нимбами над головой и крыльями за спиной сидят на облаках и бренчат на арфах. Или – в чем мать родила – бродят по эдемскому саду и обрывают с деревьев яблоки и апельсины.

Нет уж. Лучше считать мертвецов мертвецами.

Ответы на свои вопросы я искал в книгах. Я бессистемно читал все, что попадалось мне под руку.

Мировая литература – кладезь знаний. Это бескрайний шумный океан – ныряя в который, не предвидишь, когда и как тебе попадетя золотая рыбка.

Иногда – прочитывая от корки до корки толстенный трактат «Человек и общество» – я чувствовал, что выпил восемь литров соленой воды и ни на грамм не стал больше знать ни о человеке, ни об обществе. А иногда – после китайской сказки «Бедняк-ученый и волшебница-лиса» я вроде бы ухватывал крупицу знаний...

Я превратился в книжного маньяка.

Я изыскивал книги где и как только мог.

Качал в интернете. Не пропускал ни одного книжного магазина. В поисках старых изданий осаждал букинистические лавки.

Меня интересовали книги по истории, философии, психологии. Серьезная художественная литература. Как паук плетет паутину – так я пытался сплести из разрозненных фактов и теорий цельное мировоззрение.

Моя охота за книгами привела меня в такие архаические заведения как библиотеки.

Один поход в библиотеку стал судьбоносным.

В тесном пропыленном холле – который украшало только темно-зеленое растение в горшке – я увидел полку с книгами. Над полкой – табличка: «Понравилась книга?.. Возьми в подарок».

У меня загорелись глаза.

Впрочем, большинство книг на полке не представляли для меня интереса. «Как соблазнить парня. Практические рекомендации» – «Восемьдесят блюд из цесарки» – «Свадебные платья. Каталог» – Надежда Бережная, «Невеста для Буратино (мелодраматический детектив)».

Михайло Букунин. «Непрерывная революция».

Стоп. Это что-то занятное.

Революция... Почти запрещенное слово.

Я – разумеется – имел смутное представление о революциях. В учебниках истории о революциях кое-что писали. В одной книге об античности говорилось даже, что восстание Спартака было своего рода рабской революцией.

Но все авторы писали о революциях туманно, обтекаемо и до комичности кратко. Точно старались побыстрее проскочить морально неудобную тему. Историки будто стеснялись, что общество периодически сотрясали взрывы, именуемые революциями.

А тут слово «революция» вынесено в заглавие книги. Ре-

волюция. Да еще непрерывная. Почтенного Михайло Букунина обязательно надо почитать.

Я открыл книжку наугад.

«Революции знал даже Древний Египет. Он вовсе не был таким недвижимым монументом, каким изображают египетскую цивилизацию иные профессора и доценты. За тысячу семьсот пятьдесят лет до нашей эры рабы и бедняки в Египте восстали. Сожгли долговые списки. Расправились с угнетателями – жрецами и знатью. Разгромили дворец фараона...».

Вот это да!.. Все известные мне авторы книг о Древнем Египте интересовались – в лучшем случае – пирамидами и гробницами. А в худшем – половой жизнью фараона Эхнатона и царицы Нефертити. О социальной борьбе, потрясавшей египетское общество – не вспоминал никто.

Я зачем-то вытер руки салфеткой – и спрятал «Непрерывную революцию» в свой рюкзак. С таким трепетом, наверное, мусульманин прячет Коран – а христианин прикасается к Библии. Я чувствовал: на сей раз я добрался до чистого концентрированного знания – до ответа на свои вопросы.

Дома – налив себе чаю с лимоном и малиновым вареньем – я удобно устроился поверх постели и начал читать. И почти сразу забыл об остывающем чае.

«...С тех пор, как общество вышло из эпохи сурового первобытного равенства – оно всегда было расколото на два враждебных непримиримых социально-экономических класса... Вельможный господин и рядовой общинник в дес-

потях древнего Востока – патриций и плебей в Римской республике – сеньор и крепостной в феодальной Европе...

Один класс – это верхушка, владеющая землями и богатством; наделенная властью. Присваивающая девяносто девять процентов продуктов общественного труда.

Второй класс – поражающий своей многочисленностью – это все обездоленные и угнетенные; рабы общества, руками которых создаются все материальные ценности – но при распределении благ получающие только крохи. Этим крох едва хватает, чтобы клейменый проклятием эксплуатируемый мог поддержать свое беспросветное существование и породить потомство для пополнения армии несчастных забитых тружеников...

...Все разнообразные прослойки и подклассы общества так или иначе примыкают к одному из основных классов. Или вертятся, как флюгеры – вставая на сторону то одного, то другого из классов, находящихся в извечной борьбе...

Государственный аппарат, закон, религия, системы общественного наказания – призваны, как бог Вишну в индуистской мифологии – охранять существующие порядки. Чтобы господа оставались господами – а слуги слугами; чтобы по-прежнему меньшая часть общества грабила и объедала большую...

Если символом класса-верхушки мы назвали бога-охранителя Вишну – то символом угнетенного класса мог бы быть бог-сокрушитель Шива. Потому что целью трудящихся

эксплуатируемых низов является ниспровержение, разрушение, уничтожение всякого классового устройства общества. Революция...

Раз начавшись – революция разрастается, как катящийся по склону горы снежный ком, вызывая взрывы и резкие перемены во всех областях жизни. Происходят маленькие революции в быту, производстве, семейных отношениях, мировоззрении. Каждая такая «мини-революция» вызывает следующую. В этом смысле мы говорим о непрерывной революции...

Вся история человечества – есть история борьбы классов. Именно революции – двигали рывками общество вперед...».

Я был ошеломлен.

И чувствовал себя Заратуштрой, которому вестник Ахура-Мазды открыл истину.

Михайло Букунин меня покори́л. Все было так ясно и убедительно!..

«История человечества – есть история борьбы классов». Черт возьми – да!.. Историю творят не воспеваемые поэтами «сильные личности» типа Гектора и Ахиллеса – на колесницах, в доспехах, разъезжающие под стенами Трои. А движения угнетенных масс – борющихся за свое освобождение.

Древнеегипетское восстание бедняков. Противостояние рабов под предводительством Спартака «железным» римским легионам. Крестьянская война в Германии. Вот действительно исторические события – а не ночная пирушка

Антония и Клеопатры!..

И какое изящное намечено решение всех проблем рода людского!..

Чтобы человечество из душных темных катакомб выбра-лось к воздуху и свету – достаточно отказаться от классового деления общества.

Тогда возродится – на более высоком уровне – первобыт-ное равенство. Все смогут с чистым сердцем назвать друг друга братьями и сестрами. Сбудется – не в раю, а на «гряз-ной» Земле, без всякого участия бога – старинная христиан-ская мечта о всеобщей любви.

Закрутится маховик непрерывной революции – изничто-жая все мелкое, дикое, подлое. В новом мире не нужны бу-дут адвокаты и наемные убийцы, полиция и армия...

Видение бесклассового общества меня захватило.

Я зачитал «Непрерывную революцию» до дыр.

Я ходил в приподнятом настроении – как после пары бо-калов хорошего вина. Вселенная – казалось – наполнилась музыкой и красками.

По ночам мне снился мир, прошедший очистительное пламя революции. Он виделся мне залитым солнцем краем садов, зеленых лугов, белых дворцов и кипарисовых аллей.

Я был почти счастлив.

4. Один в поле (не) воин

Я был почти счастлив.

Но длилось это недолго.

Слишком резок был контраст между мечтой о светлом послереволюционном завтра – о красивых обнаженных людях, водящих хороводы под медовым солнцем – и реальностью безрадостного «сегодня», когда небо беспросветно, а сердца отравлены злобой и жадностью.

Собака, которую поманили сочным куском мяса – тем сильнее почувствует голод. Аж пасть переполнится пеной.

Я снова начал соскальзывать в депрессию и самоедство.

Михайло Букунин писал: «...«Непрерывная революция» – это, прежде всего, руководство к действию. Бесплезно читать ее, как Библию – устраивая догматические споры по поводу каждой фразы. Нет!.. «Непрерывная революция» должна вдохновить вас действовать. Действовать!.. Проявить социальную активность во имя освобождения угнетенного класса... До конца понять теорию непрерывной революции можно только применяя эту теорию на практике...».

Бесплезно читать «Непрерывную революцию» как Библию...

А я?.. Вопреки указанию товарища Букунина – я относился к «Непрерывной революции» как восхищенный древнеиранский жрец к Авесте. Догматических споров – положим – мне не с кем было вести. Но сам я – точь-в-точь бородатый богослов – толковал и перетолковывал каждое предложение полюбившейся мне книги.

Но ведь это неправильный путь?..

Меня постиг мучительный кризис.

Что толку, что я прочел умную книжку?.. Что толку, что я – вроде как – сочувствую обманутым и обездоленным массам?.. Сам-то я остаюсь кем был. Студентешкой с юридического факультета. Не знающим ни в чем отказа племянничком зажиточного дяди.

Я по-прежнему пью кофе и наворачиваю бутерброды с колбасой в роскошной факультетской столовой. Социальная прослойка, к которой я принадлежу – безусловно, примыкает к классу-верхушке. Несмотря на все свои красивые мечты – я паразит. Пиявка, сосущая кровь из народа.

Я плакал – плакал!.. – по ночам. Кусал подушку и рвал простыни от осознания своей бесполезности для дела революции.

Когда в университетском корпусе я видел уборщицу, мощную полы в коридоре – мне хотелось пасть перед старой женщиной в темной робе на колени и воскликнуть: «Прости меня, прости!.. Мне так стыдно, что я принадлежу к сидящим на твоей шее угнетателям!.. О, я бы отдал на отсечение правую руку – нет, обе руки!.. – лишь бы освободить тебя от грязного труда за корку хлеба».

Интересно: как бы отреагировала бы тетенька-уборщица на такую мою тираду?.. Достала бы мобильник и набрала бы психиатричку: «Алло. Доктор, тут у нас гражданин студент умом поехал».

Сердце мое трещало по швам.

Что мне оставалось делать?..

Я решил во всем положиться на Михайло Букунина. Раз он написал: «...«Непрерывная революция» – руководство к действию» – значит, я и буду действовать. Как умею. На свой страх и риск. Исходя из принципа: и один в поле воин.

Революционеры борются против существующего строя, объединяясь в партии или террористические группы. Мне же приходилось выходить на бой без соратников. Возможно: я был последний революционер на Земле.

Немного поразмыслив, я запасся баллончиками с краской и несколькими пачками бумаги.

Дождливой темной ночью – когда только оранжевый свет фонарей отражался в зеркале мокрого асфальта – я, одетый (ну прямо ниндзя) во все черное, подкрался к университетскому корпусу, пряча под курткой баллончик красной краски. Сердце мое гремело турецким барабаном – а руки дрожали. Я должен был совершить подвиг во имя всех бедняков и страдальцев. Внести свою лепту в изменение мира к лучшему.

Достав аэрозольный баллончик, я принялся расписывать корпус заранее придуманными лозунгами.

«За бесплатное и общедоступное образование» – «Повысить зарплату уборщице и дворничихе!..» – «Да здравствует революция!..» – «По телевизору врут» – и т.д.

Для кого я это писал?..

Господа министры-капиталисты – конечно – не прислушаются к неизвестному «ночному рисовальщику» – и не откроют двери университетов перед забитым оболваненным народом. Воротилы из финансового отдела нашего факультета – не ощутят резкого приступа совести и не увеличат оклад ни уборщице, ни дворничихе. А о том, что телевидение и интернет наполнены враньем – многие догадываются и без меня.

Я не мог признаться себе, что совершаю свою ночную вылазку ради себя. Лепечущим ребенком примеряю шапку революционера. Чтобы только не чувствовать себя ничтожеством – без смысла коптящим небо.

– Эй!.. Какого?..

Меня заметили охранники, вышедшие на крыльцо корпуса – видимо, покурить. Широкими шагами два амбала в униформе двинулись ко мне.

Не чуя под собой ног – я ломанулся прочь. Я летел, как душа, за которой гонится дьявол. А в груди моей пело: «Я герой!.. Я герой!.. Я герой!..».

Только на остановке маршрутного такси я понял, что суровые ЧОП-овцы давно меня не преследуют.

Остаток ночи я почти без сна провалился в своей постели – мечтая о том, как поразятся студиозусы, когда прочтут утром мои лозунги.

Подходя утром к факультетскому корпусу, я увидел бригаду маляров, которая тщательно закрашивала мою «наскальную живопись». Холеные студентики – с сигаретами

прогуливаясь по двору – показывали на маляров руками. Переговаривались. Смеялись.

Декан – мрачнее грозовой тучи – стоял на крыльце, выдыхая голубоватый дым сигареты. Перед деканом по стойке «смирно» вытянулись охранники.

Толстая дворничиха отчаянно бранилась:

– Да какой вандал, что за упырь додумался писать на стенах?..

Дворничиха – похоже – не оценила, что одним из своих лозунгов я требовал поднять ей зарплату.

Я был разочарован.

Мои надписи так быстро замазали!.. Мало кто успел их прочесть.

Но другой половиной сердца я ликовал.

Ух, какой шорох я навел!.. Точно разворошил муравейник. Сам декан при полосатом галстуке отчитывал увальней-охранников за то, что упустили «вандала». А прилизанные студиозусы таки обсуждали: что там за надписи закрашивали с утречка пораньше маляры?..

Сейчас это вызывало у меня горький желчный смех – а тогда я чувствовал себя Персеем, отрубившим голову Медузе Горгоне. Я воображал себя великим подпольщиком-конспиратором.

Я решил действовать дальше.

Я набрал на компьютере в текстовом редакторе и распечатал на принтере то ли большую листовку, то ли маленькую

газетку под названием «Классовая война».

В этом листке я сжато излагал основные идеи Михайло Букунина.

Общество расколото на враждебные классы. Убедительно – как мне казалось – я доказывал: без уничтожения классового антагонизма невозможно решить проблемы экологии, ни предотвратить ядерные войны.

Я появился у факультетского корпуса под утро – когда небо из черного начало превращаться в серое. Я рассчитывал: до наплыва студюзовцов дворничиха не успеет собрать все листки, которые я разбросаю.

Я оставил «Классовую войну» на скамейках, на ступенях лестницы, у цветочных клумб; просто усеял листком асфальт. Несколько экземпляров «Классовой войны» я скотчем наклеил на стену.

Меня опять спугнули охранники.

Я убежал – и засел в круглосуточной кафешке. Пить кофе «три в одном» и уплетать за обе щеки кулебяки и салат «мимоза».

В девять утра – закинув за спину рюкзак с книгами (среди учебников в рюкзаке лежала «Непрерывная революция») – я, как дисциплинированный студент, отправился в университет.

Дворничиха (ловкая дама!..) – конечно, подобрала большую часть моих листков и отправила на помойку. Но два или три экземпляра «Классовой войны» пошли по студенческим

рукам.

Студенты читали – гоготали – передавали друг другу листки – отпускали шуточки – крутили пальцем у виска. Для «золотой молодежи», поедающей бутерброды с семгой, идеи Михайло Букунина были бредом пьяного лешего.

«Это потому, что вы – из класса-верхушки», – стискивая зубы, думал я. Никто не хочет верить истинам, заставляющим сомневаться: а правильно ли я живу?..

Но я не повесил нос.

Пусть девяносто восемь студюзусов гиенами посмеются над моей «Классовой войной». Найдется девяносто девятый – который задумается: а все ли в порядке с нашим обществом?..

Я сеятель. Я бросаю зерна в свежую борозду – в надежде, что хоть одно-два зернышка дадут всходы.

Сеятель тем больше шансов имеет на успех, чем просторнее поле. Я задумал расширить аудиторию, в которую швыряю семена моей «Классовой войны».

Я распечатал восемьдесят экземпляров второго номера «Классовой войны». В этом выпуске я делал упор на мысли, что государственные институты, законы, религия, армия – служат, как учит Михайло Букунин, корыстным интересам привилегированного класса.

По соседству с корпусом факультета лежал парк с прудами и фонтанами.

В парке любили прогуливаться – затягиваясь легкими или

«тяжелыми» сигаретками – наши студентки и очкастые профессора с блестящими лысынами. Мамаши катали здесь детишек в колясках – а собачники совершали моцион с далматинами и таксами.

В мою дурную голову взбрело: как «человек-бутерброд» раздает приглашения для дам на шугаринг, так и я буду раздавать в парке свой революционный листок.

Вы скажете: это неосторожно и даже откровенно глупо – обнаруживать перед всем народом, кто стоит за «Классовой войной». Теперь-то я это хорошо понимаю. Но тогда я заигрался в народовольца. Плюс к тому: мне и не снилось, что за свою «р-р-р-революционную деятельность» я могу понести наказание. Я думал: на крайний случай – погрозят пальчиком да по-отечески пожурят.

Итак – вечером, после занятий – я встал у фонтана (у медного дельфина, изрыгавшего пенную струю воды) и начал раздавать «Классовую войну» номер два.

Люди у нас охочи до халявы. Даже если эта халява – всего только рекламная или политическая бумажка.

Скоро пара профессоров от юриспруденции задумчиво скручивала «Классовую войну» в трубочку. «Классовая война» ездил в колясках с сосущими соску малышами. Даже покрытый жирными прыщами бомжеватый старик – от которого пахло мочой, потом и водкой – хмыкая и с шумом втягивая сопли читал мой листок.

Подходили студенты. Смотрели на меня кто исподлобья –

а кто широко распахнутыми глазами. Брали у меня листок.

«Классовую войну» взяла у меня сама блистательная рыжая лисичка Алиса – по которой вздыхало полфакультета. Посмотрела на меня – хлопая раскрашенными тушью ресницами.

Спросила:

– А, это ты?.. В комми заделался?.. Или в анархи?..

Я уже собирался сворачиваться – когда передо мною выросли четыре фигуры. Два бугая-охранничка с проходной нашего факультета. Кудрявый, как барашек, замдекана Колосс – известный своей приверженностью идеям либеральной демократии. И еще какой-то хлюст в клетчатом пиджаке – мне не известный.

Четверка глядела на меня со злобой и сумрачностью косматых гоблинов.

Прежде чем я покрылся гусиной кожей от страха – «гоблины», чуть не разбрызгивая слюну, схватили меня и потащили.

– Попался, Томас Мор хренов!..

Прогуливающиеся горожане со смешками смотрели нам вслед – довольные неожиданным зрелищем.

Я обмяк у «гоблинов» на руках.

Вражины волокли меня, как полупустой мешок.

Я аж закрыл глаза. В голове пронеслось: недолго прыгала саранча... Мне не дали безнаказанно транслировать во Вселенную учение революционера Михайло Букунина. Привив-

легированный класс – в лице университетской бюрократии – оскалил зубы. Очевидно: верхушка топчет не только костер – но и крохотную искорку протеста.

Я всего лишь покрыл стену надписями – которые сразу покрасили. Распространил листок – который вряд ли кто-то от корки до корки прочтет. И вот меня уже схватили, как преступника. А кудрявый носатый Колосс – швыряет молнии влажными глазищами и шепчет грязные ругательства в мой адрес.

Меня дотащили до кабинета декана.

Бугаи-охранники остались снаружи. А Колосс и хлюст-в-клетчатом-пиджаке втиснулись со мной в кабинет.

Бровастый декан восседал в кресле-троне с величием Сталина или фараона Хеопса. Смерил меня тяжелым взглядом:

– Ну и что нам с тобой делать, господин революционер?..

– Гнать эту крамолу из университета!.. – тонко взвизгнул Колосс. Как будто в пятку «барашку» вонзилась колючка. – Не хватало только, чтобы этот мерзавец заразил кого-то своими красными бреднями!.. Прощай тогда, добрая слава нашего ВУЗа!.. Как известно: рыба гниет с хвоста!..

– С головы, – машинально поправил я. – Рыба гниет с головы.

– Ах, ты еще и издеваешься?!.. – подпрыгнул Колосс.

Мне показалось: сейчас он меня ударит.

Декан чмокнул губами:

– Да, молодой человек... Нам придется тебя отчислить... Но это не все... Как ответственные взрослые люди, мы должны позаботиться о твоём благополучии...

– Бла-го-по-лу-чи-и?.. – выдохнул я, по-настоящему испугавшись.

Когда сиятельные бюрократические мужи вздумали заняться твоим «благополучием» – жди беды.

Декан поднял трубку телефона и набрал номер:

– Он у нас. Можете приезжать.

Пятнадцать минут прошло в ожидании.

Хлюст-в-пиджаке стоял с каменным лицом. Багровый Колосс истерично рассуждал о том, какой вред моя «Классовая война» наносит государственным устоям и общечеловеческим ценностям демократического либерализма. Декан – как и надлежит главной шишке – сидел надутый и важный. Сверлил меня немигающими глазами.

– Ну-ка. Где тут наш клиент?..

В кабинет колобком вкатился маленький лысый докторишка в белом халате, с бейджиком «врач-психиатр высшей категории».

За Айболитом в кабинет ступили два здоровенных – как быки – санитары в синей униформе.

– А, это вы, юноша?.. – коротышка-доктор посмотрел на меня снизу вверх и расплылся в лисьей улыбочке. – Значит – раздуваем мировой революционный пожар-с?.. Ну да не наматывайте соплю на кулачок: месяц-другой – и мы приведем

вас в чувство.

«Месяц?.. Два месяца?.. В психушке?..» – с ужасом подумал я, так что волосы у меня на голове зашевелились.

А Айболит закончил:

– Не волнуйтесь, приятель: мы позвоним вашему уважаемому дядюшке – и объясним, что вам необходимо лечиться. Берите клиента, ребята.

Дэвы-санитары опустили на меня широченные – как совковые лопаты – ручищи...

...На авто с красным крестом меня увезли в психиатричку.

В приемном отделении у меня отняли ключи, рюкзак и мобильный телефон. Сорвали с меня всю одежду – взамен выдав какую-то лоскутную пижаму.

Полтора месяца я валялся на скрипучей железной койке в палате отделения психиатрической больницы. Время тянулось, как в каком-то сюрреалистическом сне. Я плохо сообщал от препаратов, которые мне кололи. У меня дрожали руки (во время обеда я едва не ронял ложку) и пропала эрекция.

Раз в три-четыре дня меня водили к жирному иезуиту-доктору – моему лечащему врачу. Иезуит сверкал на меня змеиными глазами сквозь стекла очков и задавал мне вопросы – точно вбивал гвозди в мой череп.

По-прежнему ли я верю в дикие построения псевдо-философа и лжепророка Михайло Букунина?.. Неужели я не по-

нимаю, что деление общества на верхи и низы, на лучших и худших – извечно и нерушимо?.. Не раскаиваюсь ли я в учиненном мною бунте?..

Как апостол Петр, предавший Христа – я отвечал глухим голосом: не верю – понимаю – раскаиваюсь. Что я действительно понимал: нельзя обнаруживать перед жирным лечащим врачом свои подлинные мысли и чувства. Иначе меня продержат в психушке еще долго.

Вряд ли жирный врач не догадывался, что я неискренен. Но ответами моими он был доволен, как свинья желудями.

Он пускался в длинные казуистические рассуждения, призванные доказать несостоятельность теории непрерывной революции.

– Вся эта классовая борьба – такое детское агуканье!.. – давился врач кашляющим смехом.

Я сидел насупленный – и только кивал, как китайский болванчик: «Угу. Угу. Угу». А внутри меня kloкотала настоящая буря. Я готов был вцепиться зубами в буйволиную шею доктора – и придушить ублюдка.

Раз в неделю ко мне приезжал дядя. Он привозил бутерброды с салом и колбасой, на которые я набрасывался, как голодный волк: больничные борщи и солянки были – на мой вкус – отвратительны.

Дядя не сказал мне ни слова упрека. А только удрученно глядел на меня – пока я с чавканьем поглощал бутерброды – и полузадумчиво-полупечально ронял:

– Эх. И что же мне с тобой делать?..

Полтора месяца за несокрушимыми железными дверями психиатрички (мне не полагались даже прогулки) надломил меня.

Глубоко в недрах души я остался революционером. Но я превратился в жалкого слизня. Запуганного эгоиста. Я возненавидел весь мир – который повернулся ко мне ягодицами, а не лицом.

Иногда мне до чертиков хотелось умереть.

В таком я был состоянии – когда нашел в интернете Акбалу.

5.Акбала

Кое-как я провалялся остаток ночи.

Я все порывался вскочить. И – даже не сунув ноги в шлепанцы – ломануться к ноутбуку. Проверить: нет ли ответа от моей прекрасной Акбалы.

Но я сдерживался. «С девушками, – говорят пикаперы, – нужно терпение». Я совсем не пикапер. Но счел за лучшее последовать мудрости «гуру по соблазнению», Я решил: подожду до утра – и тогда за чашечкой кофе проверю сообщения.

Я думал, что до утра не сомкну веки. Но не заметил, как провалился в сон.

Мне снилась красавица Акбала. Как мы гуляем по летне-

му парку – под золотым солнцем, по кипарисовым аллеям. Мы нежно улыбаемся друг другу. Сплетаем пальцы. В агатовых глазах Акбалы пляшут веселые искорки.

Потом все поглотила чернота.

Из которой я вынырнул, как из омута.

Господи!.. Как же долго я спал!.. Сколько часиков успело натикать?..

С тех пор, как меня выперли из университета – у меня не было стимулов рано вставать и вообще соблюдать здоровый режим. Я мог до трех утра рубиться на компьютере в «Месть царицы Египта» – а потом давить подушку до пяти вечера.

Но сегодня... Сегодня я ждал весточки от Акбалы.

Неумытый, опухший со сна, в одних семейных трусах в горошек – я метнулся к ноутбуку. Но на полдороги запнулся – как конь, запутавшийся в собственных ногах.

Что если Акбала не ответила?.. Не прочитала или – того хуже – проигнорировала мое полное огня сообщение?..

О, это было бы падением с горы в пропасть. Как если бы истомленный жаждой вместо родниковой водицы хлебнул бензину. Только-только потянувшийся к свету и любви, снова поверивший, что мир не такое уж дрянное место – я был бы сброшен обратно в пучину эгоизма, нигилизма и страданий...

Нет!..

Я рванул к ноутбуку со скоростью гепарда. Включил. Открыл социальную сеть. И облегченно выдохнул: вверху стра-

нички горело уведомление о неп прочитанном сообщении.

Сообщение – действительно – было от Акбалы. Я затрепетал, сглотнул слюну.

Девять из десяти девчонок нашего возраста (да и парней – что уж греха таить) совершенно не владеют речью на письме – и способны выдать в переписке разве что глупое «привет!..» с длинным хвостом из смайликов.

Тем сильнее меня поразил ответ Акбалы.

«Когда я прочла твоё сообщение – ты, должно быть, уже спал. Я посмотрела твой профиль: ты симпатичный, милый и умный парень. Я совсем не против пообщаться. Что тебе для начала рассказать?.. Я сейчас мало сижу в интернете. Театр – ты понимаешь!.. Разучиваю Танец змеи. Перед сном читаю «Мифы Древнего Египта» в пересказе профессора Маслова. Маслов – учёный, египтолог. И одновременно... поэт. Маслов изложил египетские мифы таким красочным сочным языком... Ну а ты, дружок, какие книги читаешь?.. Чем увлекаешься?.. Ты учишься или работаешь?..»

Я был восхищён.

Сердце мое сладко замирало. То учащенно билось – пускаясь в бешеный галоп.

Какое прекрасное сообщение оставила мне Акбала!.. Оно выдавало в ней незаурядную натуру. Согласитесь: редко какая девушка играет в театре, невероятно хороша собой и читает профессора Маслова.

Вдохновленный – трясущимися пальцами я принялся на-

бирать ответ.

Я написал, что тоже в свое время впечатлился книжкой Маслова. Я вообще люблю мифологию и историю – особенно Древнего Востока. Книга о ранних цивилизациях лежит у меня рядом с кроватью. (Я не написал: раньше это место занимала «Непрерывная революция». Книгу Михайло Букунина отняли у меня в психиатричке).

Я пока нигде не работаю, – честно признавался я. Но планирую в ближайшее время заняться фрилансом. (Тут я – мягко говоря – «приукрасил действительность». Еще вчера я и близко не задумывался ни о каком фрилансе – предпочитая гордо, как индийский раджа на слоне, восседать на шее дяди).

Отправив Акбале сообщение – я забегал по квартире. Почти затанцевал. Напевая песенку, я налил кофе и порезал колбасу себе на бутерброд.

Каждый час я бросался к ноутбуку – проверять сообщения. Новой весточки от Акбалы не было.

«Ничего. Погоди немного», – успокаивал я себя.

Акбала – занятая девочка. Она выступает в театре. И целые дни проводит на репетициях. Акбала не то, что я – торчащий, как летучая мышь в пещере, в четырех стенах квартиры и отлучающийся только в супермаркет за чипсами и энергетиком.

«Подожди немного. Акбала напишет тебе».

И правда: в семь вечера раздался сигнал о непрочитанном

сообщении. От Акбалы.

«Добрый вечер, дружок. Я вернулась с репетиции...».

Так между мной и Акбалой завязалась душевная переписка.

Я даже стал просыпаться пораньше, чтобы – до того, как заварю кофе и пожарю яичницу с кольцами лука – с волнением прочитать новое сообщение Акбалы.

Акбала поражала меня.

Каждое ее сообщение было точно маленькое стихотворение в прозе.

Акбала делилась со мной тем, какие книги читает. Тем, как волнуется перед выходом на сцену... «И ведь все получается. Мне аплодируют и дарят цветы. А я кланяюсь, закусываю нижнюю губку и мысленно благодарю всех богов за то, что не опозорилась». Акбала рассказывала даже, как смотрит иногда из окна своей спальни – отслеживает полет какой-нибудь снежинки и загадывает желание.

Я думал об Акбале днем и ночью.

Удивительно: в переписке с Акбалой я смог показать себя с лучшей стороны.

Я ведь и не догадывался, что эта «лучшая сторона» у меня есть.

Я признался, что тоже люблю наблюдать за снежинками. «Я – вообще-то – нервный товарищ. Но это – ты знаешь – успокаивает».

Я писал Акбале о своих увлечениях: литературе, фило-

софии, древней истории. Конечно – я не смел заикнуться о теории классовой борьбы. Крутые дядьки в пиджаках и в белых халатах научили меня, что такие крамольные идеи – «бьяка», «нельзя», «брось». Но – разбирая какой-нибудь эпизод из Геродота – я нет-нет, да и излагал осторожно свои представления о правде и справедливости. Акбала находила, что у меня «гибкий, незаурядный ум».

Вы только представьте, каким бальзамом на душу было получить от красивой девушки такой комплимент!..

Постепенно я стал нуждаться в переписке с Акбалой так же сильно, как в воздухе и пище. Мы с Акбалой общались всего несколько дней. А ощущение у меня было такое, как будто мы вместе тысячу чашек чаю выпили или с первого класса сидели за одной партой. Никто не понимал меня так, как Акбала.

И – мне казалось – я был важен для Акбалы не меньше, чем она для меня.

Я не сомневался: за перепиской в социальной сети последует встреча. А там мы соединим наши жизни – как свяжем морским узлом два шнура. О, два психологически так совпадающих человека – просто обязаны быть вместе. Есть за одним столом. Спать в одной постели. Вдвоем принимать душ.

Скоро, скоро мы с Акбалой увидимся. Держась за руки – будем гулять по заснеженному парку. На моей чуть скрипучей кровати займемся сексом – попробуем разные позы Камасутры.

Так начертали иероглифами на скрижали сами египетские боги.

Собравшись с духом, я написал Акбале особенно нежное сообщение. В трех-четыре фразы передав, в каком я восторге от нее – деликатно заметил, что пора бы нам подумать и о свидании в живую.

«Знаю отличное японское кафе. Хочу тебя угостить лучшими суси в городе. Когда тебе будет удобно?..».

В конце сообщения я попросил у Акбалы номер телефона. Уверенный, что утром прочту ответ Акбалы – я лег в постель.

Да – Акбала, конечно же, с радостью согласится посидеть в кафе. И напишет свой номер телефона. Ведь на протяжении всего времени нашей переписки мы на космических скоростях летели к тому, чтобы увидеться в реале. Мы оба точно преодолевали запутанные ходы – чтобы встретиться в самом сердце лабиринта у мерно журчащего фонтана.

Улыбаясь – я смотрел в темноту.

В ту ночь я спокойно заснул. Мне снились эротические сны про Акбалу – в которых я обнимал тонкую талию, целовал грудь и губы моей милой.

Я проснулся счастливый. И немедленно двинулся к ноутбуку. Читать ответ Акбалы. Но...

Я застыл перед экраном соляной глыбой, распахнув рот. Мое сообщение было прочтено Акбалой. Сама она полчаса назад была онлайн. Но... она ни строчки мне не написала.

Какое там!.. Не ответила даже глупым улыбающимся смайликом.

Что?.. Почему?.. Как?..

Я почувствовал: отчаяние стальной клешней сдавило мне горло.

Может – у Акбалы просто не было времени мне ответить?..

Я открыл ее страничку. Там было много обновлений.

На фото Акбала позировала в костюме персиянки. На другом – в откровенном наряде индийской танцовщицы. Акбала опубликовала на своей стене несколько цитат из умных авторов: от Конфуция до Зигмунда Фрейда. Репродукции картин: речные и горные пейзажи. Фото египетских росписей.

Акбала нашла время пополнить новыми материалами свою страничку. Но почему-то не уделила минутки, чтобы ответить мне – своему верному воздыхателю.

Как же так?.. Как же так?.. Как же так?..

Или я рано отважился попросить у Акбалы номер телефона?..

Я был как ориентировавшийся по звездам ночной путник – когда черные тучи наплыли на небо. Ты не знаешь, куда идти.

Может – Акбала еще ответит?..

Мне только и оставалось, что цепляться за эту призрачную надежду.

Сколько я просидел, гипнотизируя экран ноутбука?.. За весь день – я только раз дошел до холодильника. Пожевал кусочек черного хлеба. Я забыл о голоде. Иногда я принимался метаться по квартире, как раненный тигр. Но снова – будто притянутый магнитом – возвращался к ноутбуку.

Почему, почему Акбала не отвечает?..

Иногда меня подмывало: настрочить Акбале новое сообщение. Униженно молить об ответе. Но – видимо – я сохранил остатки гордости. Да и понимал: если Акбала не реагирует на первое мое сообщение – значит проигнорирует и второе.

Слов нет – как я истомился. Точно меня поджаривали на медленном огне.

За окном гуще посыпался снег, стемнело. Я не зажигал свет. Так что квартиру наполнила серая мгла.

В конце концов я отчасти успокоил себя мыслью: мало ли почему Акбала не отвечает. Возможно, она – как настоящая красавица – хочет поломаться, прежде чем пойти со мной на свидание. Ничего: не написала сегодня – напишет завтра. Я должен быть терпеливым – как слон Ганнибала, шагающий по альпийской тропе.

Я лег спать.

Я беспокойно ворочался. Сон не приходил. «Вдруг Акбала ответила?..». Мне хотелось вскочить – и мчаться к ноутбуку. Но я стискивал зубы. Натягивал одеяло по самые глаза. Нет. Я должен подождать до утра.

Сообщение от Акбалы я не получил ни назавтра, ни послезавтра, ни послепослезавтра. Не похоже было, что красавица набивает себе цену. По всей видимости: Акбала решила со мной не общаться.

Вот так. Молча – «по-английски» – бросила меня. Оставив меня гадать о причинах.

Не передать, каким это было для меня ударом. Отчаяние душило меня. Зачем было показывать мне краешек рая – если я тут же был низвергнут в плюющуюся лавой жерло ада?..

Снова весь мир стал мне ненавистен. Я думал о том, как хорошо было бы выброситься из окна – лепешкой размазаться по черному асфальту. Или наглотаться смертельных белых таблеток – чтобы утром уже не проснуться.

Только бы растаять, как дым. Навсегда расстаться с этим негостеприимным миром – где я испытал столько страданий и разочарований...

Нет!..

Я согнулся, как тростник – но не сломался.

Виртуальное знакомство с Акбалой – это самое лучшее, что было в моей жизни. Я не могу сдаться. Я должен добиться от Акбалы, чтобы та сказала, почему отвергла меня. Если красавица молчит в онлайн – я достигну своего в оффлайн.

Черт возьми – я знаю, где работает Акбала!.. В театре «Белая луна». Я пойду на концерт. И когда Акбала исполнит свой номер – поднимусь на сцену с букетом роз. В букет будет вложена записка: «Акбала, я люблю тебя. Позвони

мне...».

Я открыл сайт театра.

Через четыре дня в «Белой луне» должен был состояться концерт «Очарование Востока» Свободные места еще были. Согласно программке: в концерте примет участие Акбала Султанова с «танцем змеи».

Я заказал билет.

6.Танец змеи

Перед концертом я принял ванну. Тщательно побрился – не забыв не только растительность на лице, но и «кусты» в подмышках и даже «завитушки» на лобке.

Я купил букет роз – алых, как кровь. Почему-то мне казалось: именно «красавицы» цветы лучше всего подходят Акбале.

Вечером я сел в такси – которое вмиг домчало меня до театра.

Одноэтажное здание театра стояло посреди жилого района. Оно было бы неприметным – если бы вход не охраняли два крылатых ассиро-вавилонских быка с головами бородатых мужчин. На вывеске серебрился полумесяц рогами вверх.

Не без трепета я переступил порог театра.

Сдав верхнюю одежду в гардеробную – бабушке «божьему одуванчику» – я причесался перед зеркалом. Руки мои дро-

жали. Гребешок норовил выскользнуть из разжимающихся пальцев. Сердце громыхало молотом – чуть не раскалывая грудную клетку.

Акбала. Акбала. Акбала.

Только имя любимой девушки вертелось у меня в голове.

Я прижимал к груди алые розы в прозрачной пленке. В букет была вложена почти каллиграфическим почерком выведенная обстоятельная записка. В записке я разъяснял, кто я такой и просил о свидании. Я не молил униженно. Я – как мне казалось – с чувством собственного достоинства доказывал, что после нашей интенсивной и полной тайной нежности электронной переписки мы не можем просто взять и разойтись, точно в море корабли.

Я занял свое место. Интеллигентные дяденьки во фраках и смокингах, тетеньки в шуршащих платьях, пахнущие французской парфюмерией – рассаживались по небольшому залу человек на двести.

Голоса и шорохи – наконец – стихли. Лампы под потолком погасли – зал погрузился в темноту. Только сцену заливали желтые лучи прожектора.

Концерт начался.

Первыми на сцену выпорхнули «вавилонские» танцовщицы в полупрозрачных тканях. Легкие, как бабочки – «вавилонянки» под удары барабана закружились по сцене, вызвав у зрителей бурный восторг и аплодисменты.

«Индианки» с воодушевлением и страстью исполнили та-

нец живота. Затем нам показали тюркские, персидские, китайские танцы. Только летали над сценой пестрые узорные покрывала.

Я беспокойно ерзал в своем кресле. Выступление Акбалы приходилось на вторую половину концерта – после антракта. Ожидание было невыносимо.

И все же я не мог не увлечься жарким – как пламя – искусством танцовщиц, по полной выкладывавшихся на сцене.

Восточные танцы настраивали на романтический лад. Я смотрел на горячих плясуний – и думал о своей любви к Акбале. Мне казалось сейчас: мои розы и сложенная вдвое записка вызовут у красавицы слезы умиления. Все сразу станет простым и понятным. Возможно даже – Акбала обнимет меня прямо на сцене...

Во время антракта я потолкался в буфете.

Не то что б меня соблазняли пирожные, бутерброды с колбасой и пузырящаяся в пластиковых стаканчиках газировка. Но мне надо было походить, размяться: в кресле я не мог усидеть.

Сердце бешено стучало. От волнения потели шея и ладони. Совсем немного времени осталось до выхода Акбалы. Моей Акбалы...

По звонку я вернулся на место.

Зрители снова расселись. Ряды погрузились в темноту – а сцену залил ярким светом прожектор. Сначала нам показали «танец колхидских девушек». А затем...

Я дождался. В просторном голубом платье – на сцену выплыла Акбала.

Я видел Акбалу только на фотографиях. Но сразу узнал. Трепет прошел по всему моему телу. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Акбала исполняла «танец змеи». Я пожирал красавицу глазами.

В ее руках – точь-в-точь языки огня – вились две красные ленты.

Встряхивая черными, как смоль, густыми длинными волосами – Акбала понеслась по сцене. Только мелькали красные ленты. Акбала точно парила над сценой. Изгибалась лианой. Запрокидывала голову – давая волосам струиться потоком. Только что Акбала была в левой части сцены – а через секунду оказывалась в правой.

Я был покорен. Заворожен. Как окаменевший – следил за танцем Акбалы.

В ее молниеносных – и одновременно грациозных – движениях мне и впрямь чудились извивы большой змеи. Королевы змей.

Я был в восхищении. И не я один.

Когда Акбала выпорхнула на середину сцены, замерла на мгновение и отвесила залу низкий поклон – грянули такие оглушительные аплодисменты, каких не удостоились ни «индианки», ни «девушки Колхиды».

Я опомнился.

И – с букетом роз – поднялся на сцену. Протянул цветы Акбале.

Наши взгляды встретились. Я совсем близко увидел лицо Акбалы: брови, точно нарисованные углем – окрашенные румянцем щеки – чувственные губы. Рысьи глаза красавицы меня обожгли. Сердце мое екнуло. Я уверен был: Акбала узнала меня.

Она взяла букет, прижала к груди – и в благодарности склонила голову.

Мне оставалось только вернуться на свое место. Сердце мое дико колотилось. Пальцы и губы дрожали. Я горячо шептал:

– Акбала. Акбала. Акбала.

Соседняя зрительница даже обернулась на меня.

После Акбалы выступали «египтянки» в белых полупрозрачных платьях и с синими лотосами в руках. «Японки» в цветастых кимоно. «Индонезийки». Но я уже ничего не видел и не слышал.

С трудом я дождался окончания концерта. Я точно сидел на раскаленной сковороде.

Концерт закончился. Народец потек в гардеробную за своими куртками. Я не торопился смешиваться с толпой. В фойе я повертелся перед зеркалом – как заправская модница. Потом присел на софу.

Я ждал Акбалу. Будете смеяться, но я надеялся: она прочтет записку – и выйдет из-за кулис искать меня.

Люди шутили, обменивались впечатлениями о концерте. Влезали в верхнюю одежду – и покидали театр. Только я сидел на своей софе – как высеченная из камня статуя фараона Рамсеса Второго. Вокруг постепенно стало пусто.

Появилась уборщица с ведром и шваброй. Спросила с почти материнской лаской:

– А ты, соколик, чего домой не идешь?.. Сегодня выступлений уже не будет.

– Д-да... извините... – промямлил я.

Я понял: я караулю Акбалу уже минут сорок.

А с чего я взял, что она вообще за мной придет?.. Она несколько дней не отвечала мне в интернете. По всему видеть: не хочет общаться. Так с какой стати я надеюсь, что ее примет вложенная в букет записка?..

Я – невзрачный лягушонок. Акбала – звезда.

У Акбалы десятки – а может быть и сотни – таких незадачливых поклонников, как я. Разбить сердце одному из толпы воздыхателей – что может быть проще для звезды?.. Перестав отвечать мне в социальной сети – Акбала, наверное, тут же забыла о моем существовании...

Мне захотелось плакать.

Сгорбленный, несчастный – я получил в гардеробе свою куртку, оделся и вышел на улицу.

Начинало уже темнеть.

Небо было обложено серыми тучами. Падал снег – который таял, едва коснувшись черного асфальта или каменных

ассирийских быков.

Надо было – не солоно хлебавши – ехать домой. Но я за-чем-то топтался на месте, переминался с ноги на ногу – преданным Хатико глядя на двери театра. Я еще верил (глупой, наивной верой): выйдет Акбала, протянет руки, позовет меня.

Кончилось тем, что я вконец разочаровался и замерз.

Акбала не вышла ко мне. Конечно!.. Такое даже не пришло ей в голову.

Я будто проглотил половник касторки – только не имеющей лечебных свойств. Мир снова казался мне отвратительным злобным чудовищем, наступившим на меня ногой. Хотелось умереть.

Я вызвал такси, чтобы ехать домой.

7.Свидание с Акбалой

Я думал: это самый горький в моей жизни вечер. Хлебая горячий, дающий пары, лимонный чай и утирая слезы – я не знал, что через полчаса все перевернется.

Я надеялся чаем залить, а хрустящим соленым печеньем заесть тоску по Акбале.

Акбала. Акбала. Акбала.

Зачем я только наткнулся в интернете на твои фото?.. Зачем было возвращать надежду на счастье и любовь?..

Цветок увял, не распустившись. Птица попыталась взле-

теть в бирюзовые небеса – но убедилась: ее крылья подрезаны.

Лицеизречение ангела приносит нам блаженство. Но когда ангел – даже не послав прощальной улыбки – скрывается за облаками, остаются только опустошение и мучительная сердечная боль...

Зачем, Акбала?.. Зачем?..

Если б я не узнал бы ничего о тебе – я так бы и жил в относительном покое, как крыса на помойке. Не так, как мне хочется – но так, как я привык.

Вставал бы в два часа дня. Забывал бы бриться. Потихоньку – как бы лениво – ненавидел бы людей. Заказывал бы по субботам пиццу с грибами и томатами. Резался бы на ноутбуке в «Кровавую баню – 5» и в «Мечь черной вдовы». Иногда забавлялся бы – как плюшевой игрушкой – мыслями о суициде.

Но теперь...

...Мои нерадостные размышления прервал звонок в дверь.

Я аж подпрыгнул.

Господи!.. Кому я нужен на ночь глядя?.. Дядя собирался заехать на-днях – но не сегодня и не завтра. Сосед, что ли, за солью пришел?.. Ха!..

Как ни не хотелось мне подниматься из-за стола – я отодвинул тарелку с крекерами, отклеился от стула и пошел открывать дверь.

Я ожидал увидеть полицейского. Пожарного. Консьержа. Медузу Горгону. Соседку с верхнего этажа. Но...

На пороге стояла... Акбала.

Акбала. Кого я сильнее всего желал и менее всего надеялся увидеть.

Сказать, что я был изумлен, поражен – значило ничего не сказать.

– Ак-ба-ла?.. – хрипло произнес я.

А она лукаво смотрела на меня из-под красиво изогнутых бровей. Смуглое личико лучилось задором.

– Привет, милый, – мелодичным голоском просто сказала Акбала.

«Милый»... От такого обращения разум мой улетел.

– Привет... – выдохнул я.

– Ну что же?.. – обворожительно улыбнулась Акбала. – Ты пустишь меня в квартиру?.. Или мне так и стоять на пороге?..

– Конечно, конечно. Заходи...

Я сглотнул слюну.

(А откуда Акбала узнала, где я живу?.. Я был настолько ошарашен, что этот закономерный вопрос не пришел мне в голову).

Акбала ступила в прихожую.

Пол в прихожей был пыльный, обои – обшарпанные; тусклая лампочка светила кое-как. Мне стало стыдно: в моей позорной прихожей красавица Акбала выглядела розой на куче мусора.

Но Акбала чувствовала себя вполне спокойно и уютно. Она повесила свою курточку на крючок – и пошла в ванную мыть руки.

– Акбала... – нерешительно сказал я, когда красавица вышла из ванной. – Акбала. Я думал: ты меня забыла...

– Дурачок, – с прежней волшебной улыбкой отозвалась девушка. – Разве можно забыть такого отличного парня, как ты?..

(«А почему ты тогда не отвечаешь мне в социальной сети?..» – мог бы я поинтересоваться. Но язык не повернулся – как свинцовый).

– Ну, дорогой?.. – спросила Акбала. – Ты угостишь меня чаем?..

«Милый» – а теперь «дорогой». Я таял, как сливочное масло под солнцем.

– Д-да. Сейчас...

Я наполнил пузатый чайник водой и поставил кипятиться. Слава богу, мне было что подать к чаю. Соленое печенье – леденцы – несколько пирожных. Еще я – удивляясь собственному проворству – соорудил бутерброды с сыром и с копченой колбасой.

Не дожидаясь моего приглашения – Акбала опустилась на стул. Она смотрела на меня с лучезарной улыбкой.

Я трепетал. Я был заворожен, покорен. И не знал, чем угостить Акбале.

– Да ты садись, дружок, – с нежностью сказала Акбала,

как будто была здесь хозяйкой. – И рассказывай. Как ты тут живешь без меня?.. Мне все интересно о тебе знать.

– Акбала... – мой голос задрожал. – Я тебя так ждал...

Вы догадываетесь: я плохой собеседник. Но внимание и наводящие вопросы Акбалы развязали мне язык. Слова полились из меня, как на исповеди или в кабинете психолога.

Я рассказал о том, как измучили меня тоска и одиночество. Что я презираю общество, в котором живу – и время от времени мечтаю выйти в окно или выпить яду. Как я воспрянул, когда нашел в интернете Акбалу. Жизнь тогда заиграла для меня всеми красками радуги. И в какой ад я был низвергнут, когда Акбала пропала со всех радаров.

Я не выдержал. Мне было стыдно – но из глаз моих хлынули слезы. Я отвернулся – тыльной стороной ладони размазывая слезы по лицу. Я силился унять плач – то только сильнее всхлипывал.

Боже, какой конфуз!.. На первом (пусть и не запланированном) свидании я не развлекаю любимую девушку шутками и анекдотами, не проявляю себя как галантный кавалер. А – нате!.. – реву в два ручья от жалости к себе, родненькому...

Что подумает Акбала?..

А Акбала отодвинула стакан лимонного чая. Поднялась со стула. Подошла – и обняла меня. Сказала:

– Все хорошо. Сейчас я с тобой.

Акбала обнимала меня!..

От неожиданности я перестал плакать.

Еще с полчаса мы сидели на кухне и гоняли чай. Акбала была обольстительна и весела. Она шутила и рассказывала смешные истории. Я смотрел на нее – и улыбался.

Через полчаса Акбала сказала:

– Уже поздно. Надо принять душ – и ложиться в постель.

Я немного смутился – вообразив, как обнаженная Акбала плещется в струях душа. Выдохнул:

– Х-хоро-шо... Я принесу тебе полотенце...

А сам подумал: куда я положу Акбалу спать?.. Наверное, уступлю ей кровать – а себе поставлю раскладушку на кухне.

Акбала обожгла меня взглядом рысьих глаз:

– Принеси полотенце нам.

Когда я достал полотенце – Акбала повела меня за руку в ванную.

Мы что – вместе будем принимать душ?.. Сердце мое загремело турецким барабаном.

В ванной Акбала без всякого стеснения разделась.

Я сглотнул слюну и широко распахнул глаза.

Я жадно любовался обнаженным телом красавицы. Маленькими плодиками груди. Точеной фигуркой. Треугольничком внизу живота...

Акбала чувствовала себя совершенно раскованно.

Я чаще задышал. Меня охватило дикое возбуждение. Член удлинился и потяжелел. Одновременно я ощущал смущение при мысли: Акбала поймет, что я ее страстно хочу.

– Что же ты не раздеваешься?.. – с колкой улыбкой спросила Акбала. – Мыться в одежде – так себе идея.

Чувствуя, что пылаю от стыда – я сбросил футболку и штаны-трико. Акбала засмеялась – смехом, напоминающим звон декоративного колокольчика – и стянула с меня трусы, коснувшись моего эрегированного пениса.

Акбала села в ванну. Немного помедлив – я последовал за красавицей. Акбала включила воду.

– Ты весь напряжен... – прошептала Акбала, стрельнув в меня агатовыми глазками.

– Д-да... – признался я.

– Я помогу тебе расслабиться, милый.

И, как вы думаете – что сделала Акбала?..

Она безо всякого смущения приникла ко мне. Обвила руками мою шею. И несколько раз горячо поцеловала меня в губы.

– Акбала...

Тут уж рухнули мои робость и стыд – как будто прорвало плотину. Я сгрел Акбалу в охапку, как слабенькую кошечку. И жадно припал губами к губам красавицы.

Я сжимал ее в объятиях.

Акбала ввела в себя мой твердый – точно каменный – член. Я сделал несколько толчков. И застонал – выплескивая сперму в Акбалу.

Приятная волна расслабления прошла по всему моему телу. Я разжал объятия, в которых так крепко стискивал Ак-

балу.

– Ну как?.. – жарким шепотом спросила Акбала, заглядывая мне в глаза. – Теперь ты не так напряжен?..

– Совсем... не напряжен... – в блаженстве выдохнул я.

– Вот и славненько, милый.

Акбала ополоснула меня под душем. С мылом помыла мне подмышки и лобок. Затем ополоснулась сама. Ее мокрые душистые черные волосы липли к плечам и спине. Любуясь Акбалой, я снова почувствовал возбуждение.

– А ты сильный мальчик!.. – засмеялась Акбала, заметив мою эрекцию. – погоди. Давай дойдем до постели.

Набросив на плечи полотенце, мы прошли в комнату. Акбала насухо вытерла меня. Затем вытерлась сама.

– Ну, дорогой?.. – она взобралась на кровать и встала на четвереньки. Красиво свешивались – сбегали потоком – черные, как вороново крыло, волосы Акбалы.

Тут уж я не мешкал.

Я тоже влез на постель. Положил руки на упругие ягодицы Акбалы. Вошел в нее сзади – и резко задвигался. Акбала протяжно застонала.

О, я был сейчас счастливейшим из смертных!.. Мог ли я подумать, когда утром, перед походом в театр, брил подмышки, или когда, после концерта, одинокий и несчастный топтался под падающим снегом – что закончу вечер, занимаясь умопомрачительным сексом с девушкой, по которой сгорал столько дней?..

Мы предавались взрослым утехам, меняя позы. Я покрывал огненными поцелуями волосы, губы, грудь Акбалы. Каждый квадратный миллиметр восхитительного тела моей любовницы. Акбала отвечала поцелуем на поцелуй. Выгибалась дугой. Змеей вилась в моих объятиях. И страстно, глубоко стонала.

Я слил сперму в Акбалу еще три раза.

Наконец я утомился. Без сил распростерся на постели. По мне обильно струился пот.

Акбала склонилась надо мной:

– Ну что, золотой?.. Начнем?..

И – вы знаете – в чувственной улыбке Акбалы мне помешалось что-то... хищное. Даже демоническое.

Я не понял. Начнем?.. Какое же «начнем», когда мы только-только закончили?.. Я весь выложился – и не мог пошевелить и мизинчиком.

Но у Акбалы были – похоже – свои расчеты.

Она села на меня и принялась тереть мой пенис – пока тот не затвердел. Тогда Акбала ввела себе мой член и начала интенсивно раскачиваться.

В изнеможении я закрыл глаза.

Мне трудно передать, что случилось со мною дальше. Я был уже точно не в постели с Акбалой. Сперва я будто падал в черную пропасть. А потом я лежу на каменистом дне этой пропасти – и вокруг меня обвилась огромная змея в блестящей чешуе. Змея шипит мне в лицо – касаясь моих щек раз-

двоенным языком...

Что это было?..

Галлюцинация?..

Мои чувства и разум потухли. Меня окутала тьма.

8. Кризис

Я очнулся.

И пару минут не мог повернуть головы. Как будто накануне не с девушкой сексом занимался – а в одиночку строил пирамиду Хеопса.

За окном заметно вечерело. Сколько я так пролежал – давя простыню и подушку?.. И где Акбала?..

– Ак... бала... – позвал я. Но голос мой прозвучал слабо, как хныканье младенца.

В квартире висела тишина.

На одной силе воли я заставил себя сесть на постели. Сунуть ноги в шлепанцы.

Я чувствовал себя выжатым лимоном. В кружащейся голове – шумы, похожие на радиопомехи. Перед глазами бегали черные точки.

Я был настолько истощен, что казалось: я три дня не ел. А во рту стояла такая сухость – как если бы я наглотался песка.

Господи. Отчего я мог так вымотаться?.. И где все-таки Акбала?..

С усилием я оторвался от кровати – по-старчески крякнув

– и пошел искать Акбалу.

В коридоре я остановился перед зеркалом. И ужаснулся своему отражению.

На меня смотрел кто-то бледный. С запавшими мутными глазами и с выпирающими ребрами. Я похудел – как будто – килограмм на десять.

– Акбала!.. – снова позвал я.

И опять ответом мне была тишина.

Я обошел всю квартиру. Акбалы нигде не было. Она исчезла так же внезапно, как и появилась. Точно свидание с нею было сном.

Но черт возьми!.. Я слишком отчетливо все помнил. Как я ездил в театр – и подарил Акбале букет с вложенной запиской. Как потом – одинокий – горевал на своей кухне. Как в дверь позвонили – и на пороге квартиры я увидел Акбалу...

И отчего-то я ощущаю себя сейчас полудохлой рыбой. Неужели это секс с Акбалой меня так утомил?..

В памяти всплыли видения: падение в пропасть, гигантская змея... Бр-р-р!..

На кухне я заставил себя сжевать кусочек хлеба для подкрепления сил. Напился воды из-под крана. И пошел в комнату к ноутбуку. Я проверил социальную сеть в надежде: Акбала мне написала что-нибудь. Хотя бы «спасибо за чай».

Но нет. Последние двадцать три часа Акбалы не было в онлайн. Я посмотрел ее ленту – фото, на которых Акбала кружилась с веерами в танце; позировала в костюмах инди-

анки, египтянки, персиянки.

Из глаз моих брызнули слезы. Похоже: мир мстит мне за то, что я его ненавижу. Дать мне провести ночь с прекраснейшей девушкой на свете. А на утро оставить меня одного – да еще превращенного в развалину!.. Есть в этом какое-то поистине дьявольское коварство.

Как мне искать Акбалу?..

Наверное, стоит наведаться в «Белую луну». Навести справки у администратора. Когда, мол, ближайшее выступление Акбалы Султановой?..

А пока... мне надо отлежаться. Я сейчас, и правда, как трухлявый пенёк. Съев еще помидор – который обильно посыпал солью – я отправился в постель.

Я долго ворочался – пока не заснул.

Мне снились мучительные сны.

Вот я протягиваю руки к Акбале. Она поднимается мне навстречу. Мы сплетаемся в объятиях. Но через секунду я понимаю, что не Акбала меня обнимает – а обвивает тугими кольцами огромная змея.

Питон?.. Удав?.. Красный раздвоенный язык касается моего лица...

Обвиваясь ледяным потом – я просыпался. Шумно вдыхал – выдыхал. И тут же надо мной вновь сходилась тьма. Кошмар повторялся.

Минуло несколько дней и ночей.

Силы мои восстанавливались очень медленно.

Из-за дурных снов я плохо спал. И хоть я явно потерял уйму калорий – у меня совсем не было аппетита. С трудом я заставлял себя поесть салат из огурцов, репчатого лука и помидоров или поковыряться вилкой в политой соевым соусом корейской лапше.

Я так и не нашел в себе энергии скататься в «Белую луну». Я позвонил туда. Администратор ледяным тоном сообщила мне: Акбала Султанова в отпуске – и в этом месяце выступать не будет.

В социальной сети Акбала тоже не появлялась. Не обновляла ленту. Должно быть – действительно улетела в отпуск. Загорает сейчас на золотом пляже какого-нибудь острова под тропическим солнцем. Когда вернется – лента обновится многими фотографиями, на которых Акбала будет красоваться в белом или розовом купальнике, обнимать кокосовую пальму, нереидой плескаться в бирюзовых волнах.

Меня скручивало отчаяние.

Как могла Акбала так жестоко со мной поступить?..

Провести со мной один вечер за чашкой чая, одну жаркую ночь – и исчезнуть, не попрощавшись; не назвав даже свой телефонный номер.

Кто раз попробовал амброзию – тому обычное питье покажется ядом. Я не представлял, как мне жить без милой Акбалы. На мир будто набежала непроглядная тень. Сильнее, чем всегда, мне хотелось умереть.

В таком разбитом состоянии и застал меня приехавший

дядя.

Я заметил, как расширились и чуть из орбит не вылезли глаза дяди – когда он окинул меня взглядом.

Дядя побарабанил пальцами по столу:

– Да, брат. Вижу: снова плохи твои дела.

Дядя достал телефон и набрал номер:

– Алло. Харитон Максимович?.. Моему племяннику стало хуже...

В первые секунды я не сообразил, что дядя звонит моему психиатру.

Через полчаса прикатила бригада психиатрической скорой помощи. В прихожую гурьбой втекли плечистые быки-санитары в синей униформе – возглавляемые молодежавым очкастым доктором с растопыренными ушами.

– Ну-с. Где у нас господин-пациент?..

Мое сердце екнуло.

Я смотрел на санитаров и доктора, как кролик на клубок удавов.

Я припомнил, как лежал в психиатричке. Скрипучую койку. Решетки на окнах. Бледных пациентов в пижаме в горошек. Отвратительную солянку на обед. Инъекции перед сном.

Неужели мне предстоит снова пройти через этот кошмар?..

Я похолодел от ужаса и отвращения.

– Проходите, проходите!.. – дядя – само гостеприимство

– провел бригаду на кухню. – Чаю?..

– Предпочту сразу приступить к делу, – сказал ушастый доктор, поправляя очки.

Меня посадили на стул. Взгляды врача и санитаров переkreщивались на мне, как радиоактивные лучи. Отчего я дрожал, как осиновый лист – а голова моя вжималась в плечи. Будь я верующим – забормотал бы сейчас молитву.

Дядя торчал, как кол – опираясь одной рукой о стол.

Врач с растопыренными ушами разглядывал меня, как под лупой. Он приступил к расспросам.

– Так-с, молодой человек. Что вас беспокоит?..

– Н-ничего, – соврал я, цепляясь за призрачную надежду, что медики – не получив от меня вразумительных ответов – уедут, откуда приехали.

– А вот ваш дядя за вас очень беспокоится. И не зря, – пропел доктор. – Вот скажите мне: как вы спите?.. Кошмары не мучают?..

– Н-нормально. Не мучают...

Я отчаянно лгал.

Доктор хрустнул пальцами.

– Так-так-так. А что с вашими политическими пристрастиями?.. В прошлый раз вы были госпитализированы по причине вашего увлечения людоедскими идеями известного экстремиста Михайло Букунина.

– Мне сейчас... не до политики...

Тут я на пятьдесят процентов не лукавил. С некоторых

пор мои мысли и сердце были заняты одной Акбалой. Так что мне и правда было не до классовой борьбы.

Ушастый врач просверлил меня взглядом:

– То есть, юноша, вы уверяете нас, что у вас все благополучно?..

– Д-да...

– А по вам не скажешь...

Докторишка снова хрустнул пальцами. Откинулся на спинку стула. И произнес почти на распев:

– Вы давно смотрели в зеркало?.. Вы бледнее чистого листа писчей бумаги!.. Вы обтянутый кожей скелет!.. Глаза – воспаленные – бегают. Руки трясутся. Как по мне: психосоматика налицо.

– Психосоматика. Налицо, – веско повторил за доктором дядя. Хотя – не исключено – не понимал значения заумного термина.

Я угрюмо молчал.

Доктор чмокнул губами и почесал за ухом.

– Ах, молодой человек!.. Вижу: вы мне не доверяете. Вы отрастили скорлупу, за которую не пускаете врача. Что ж. Случай – в нашей практике – достаточно распространенный. Придется доставить вас в стационар – где с вас срежут... скорлупу.

– Сейчас, сейчас, – засуетился дядя. – Я соберу племянничка в дорогу.

Дядя забегал по комнате. Схватил мои шлепанцы, поло-

тенце, гребешок. Выудил из тумбочки мой паспорт. Сунул все это в пакет.

Я сник.

Перед глазами – как кинофильм – поплыли предстоящие мне ужасы психушки.

Чертов дядя!.. Сдал меня садистам-мозгоправам.

Скоро меня мчал микроавтобус с красным крестом. В психиатрическую больницу. Счищать скорлупу.

9.Отгадки

После того, как меня, переодетого в полосатую пижаму, подавленного, взлохмаченного, допросил лечащий врач – уже знакомый мне жирный иезуит Харитон Максимович – два здоровяка-санитара доставили меня в отделение.

Обрешеченные окна. Кулер с водой. Холл с каким-то широколиственным ядовито-зеленым растением в кадке и с тархтящим – как трактор – телевизором. По узкому коридору прогуливались пациенты в лоскутных пижамах – с бескровными лицами, часто моргающие, пришибленные. У одного дедка из беззубого открытого рта капала слюна.

В коридор выходили белые двери палат.

Донеслось:

– Злодеи!.. Предатели!.. Враги рода человеческого!.. Вы приносите жертвы темным богам!.. Сколько еще крови и страданий вам нужно?!..

Мне стало не по себе от этого вопля – похожего на свист рассекающего воздух ножа. Я замедлил шаг – и даже споткнулся, запутавшись в собственных ногах. Один из конвоиров толкнул меня в спину.

– Войны!.. Нищета!.. Голод!.. Все это нужно вам, чтобы порадовать ваших ненасытных хозяев!.. Миллионы, миллионы людей – с презрением именуемых вами «простыми смертными» – вы отвели на заклание, как покорных ягнят!..

Мне подумалось вдруг: человек, который это кричит – отчаявшийся, измученный, но никаким боком не сумасшедший. В тирадах невидимого обличителя я угадывал грозный упрек власть имущим, верхушке, привилегированному классу.

О, я вспомнил Михайло Букунина!..

Мимо нас рысцой пробежали три санитары в камфарной униформе и медсестра – вооруженная шприцом, увенчаным длинной сверкающей иглой. Команда повернула в ближайшую палату. Туда же мои конвоиры втиснули и меня.

Я увидел посреди палаты тощего – как жердь – лысеющего пациента с удивительно благородным лицом. Это он «митинговал»:

– Палачи!.. Циничные убийцы!.. Своим положением вы обязаны темным кровожадным богам, которым вы продали человечество. Если б вас не поддерживали злые боги – люди давно бы прозрели и раздавили вас, как смрадную гусеницу!..

«Камфарные» медведи-санитары скрутили храброго манифестанта. Швырнули на койку. Медсестра с ледяными глазами – закусив губу, профессиональным движением всадила бедняге в вену иглу и ввела лекарство.

Несчастный дернулся, как от удара током. Выгнулся дугой. Захрипел. И – наконец – отрубился.

Я вытаращил на бедолагу глаза. У меня дрогнул кадык.

– Чего пялишься?.. – грубо пихнул меня конвоир. – Не твое это дело!.. Выбирай-ка лучше себе койку.

Медработники – включая моих конвоиров – ушли. Я – сиротливым воробышком – огляделся.

В палате на шесть человек – кроме благородного манифестанта торчало четверо сморщенных, похожих на гномов (только без бород) дедков, которые хлопали глазами, шлепали губами и явно витали где-то в другом мире.

Я сел на единственную свободную – громко скрипнувшую подо мною – койку, которая располагалась как раз рядом с койкой «протестанта». И стал смотреть в бледное сухое лицо «благородного бунтаря».

Мне хотелось, чтобы он поскорее пришел в себя. Хотелось поговорить с ним. Он казался мне умным человеком, в словах которого чувствовалась – что называется – «соль», хотя я и не верил в «темных богов»,

Может, если я завяжу с «бунтарем» диалог – мне не так страшно будет в напоминающей тюрьму психиатричке, куда меня закрыли на неделю, а то и на два месяца?..

Протекло минут двадцать.

«Протестант» зашевелился, закричал.

– Ох, ну и дрянь мне вкололи...

Он остановил на мне взгляд тусклых глаз:

– Плохо выглядишь, парень.

– Й-я?.. Плохо выгляжу?..

Мне даже стало немножко смешно.

Видел бы «бунтарь» себя в зеркало. Тогда бы понял, кто на самом деле плохо выглядит. «Манифестант» был чуть живее мертвеца. Судя по всему: бедняге и впрямь вкололи что-то забористое.

Он посмотрел на меня еще пристальнее:

– Я вижу на тебе, парень, следы общения с оборотнем-юха...

Пропустив мимо ушей странные слова об оборотне, я сказал:

– Вы извините... Я слышал, что вы говорили... пока вас не укололи... Мне кажется... мы в чем-то сходно мыслим... В любом случае... я хотел бы познакомиться... Нам же теперь... на соседних койках лежать...

Вот так. Выпалил, как на духу. И аж гусиной кожей покрылся – и ладони вспотели. Каково дремучему интроверту предлагать кому-то дружбу?..

Мужичок с усилием приподнялся. И рассмеялся отрывистым кашляющим смехом:

– Да ты, я смотрю, неглупый парень.

Протянул мне слегка трясущуюся руку с дряблой кожей и узором синих вен:

– Иван Ваныч!..

– Очень приятно!.. – я тоже назвал себя.

– Уфф... Скоро ужин... – Иван Ваныч крикнул, заскрипел – и сел на постели.

Заметно было: это далось бедняге с трудом. До какого состояния довели человека изуверы-врачи!..

– Что это за темные боги, которых вы упоминали?.. – спросил я для поддержания разговора.

Иван Ваныч шмыгнул носом. Поправил свою взлохмаченную редкую шевелюру. И – подняв палец – сказал серьезно:

– Я полагаю: привилегированные классы, власть имущие, сильные мира сего еще тысячелетия назад спутались с попусторонними злыми сущностями, питающимися людскими страданиями. Невозможно представить, чтобы хомо сапиенсы в здравом разуме и с живой совестью причиняли столько горя и боли другим хомо сапиенсам – сколько пресловутые «верхи» причиняют «низам», Само деление на «верхи» и «низы» аморально и противоестественно. Значит – не обошлось без влияния недобрых демонических сил, проводниками воли которых стали ослепленные одурманенные власть имущие...

Я слушал Ивана Ваныча пораженный – затаив дыхание и не зная, верить или не верить. А тот – похожий на пророка – с горящим взглядом продолжал:

– Попробуй-ка проследить мою мысль, приятель. Вообрази себе первобытное общество. Днем коммуна косматых, черных от загара, как жуки, дикарей гоняется с копьями и дубинами за мастодонтом. А как только взойдет луна – собирается у костра в пещере... Троглодитам живетсЯ холодно и голодно. Но никто ни у кого не отбирает кусок мяса. Ни шкуру – чтоб обмотать вокруг бедер. Потому что эти люди – хоть и дикие, но со здоровыми инстинктами, запрещающими грабить ближнего своего. Н-да...

Иван Ваныч все больше вдохновлялся. А я сидел, навострив уши.

– ...Но проходит несколько тысяч лет – картинка меняется. Люди научились земледелию. Приручили собак. Разводят скот. Построили глиняные хибары. Жить стало проще и сытнее. Но именно тогда поднимает драконью голову алчность... Выдвигаются жестокие вожди, побуждающие соплеменников к нападению на соседние общины. Угону чужого скота. Алчные жрецы, заставляющие огородников отдавать богу девятую часть урожая... То есть: общество разбогатело – но на свет появились грабеж, воровство, обман. Смекаешь?..

– Угу.

Я слушал, как замороженный.

– Дальше больше, мой юный друг!.. Общественное богатство накапливаются. Вырастают города, пирамиды, великолепные храмы. Через раскаленные пустыни протягиваются

каналы. На лугах жиреют стада скота. Урожаи возрастают... Но вместе с урожаями возрастает и жестокость человека к человеку. Хомо сапиенс надевает рабский ошейник на другого хомо сапиенса. Целые народы задавливает тяжелой данью. Почему так?.. И как апогей бесчеловечности и ненормальности – наша технократическая цивилизация. Могущество потомков Адама выросло до небес. Нам покорились недра земли. Наши ракеты бороздят космос. Добавочный продукт увеличился настолько, что каждому можно было бы обеспечить привольную и безбедную жизнь. Но вместо этого – что мы имеем?.. Два полюса, на одном из которых – роскошь, не снисшаяся и багдадским халифам, баснословные деньги, особняки, а на втором – нищета, сизифов труд, болезни!.. Пока американские мультимиллиардеры разъезжают на лимузинах, купаются в красной и черной икре и забавляются космическим туризмом – где-то в Африке дети пухнут от голода и умирают от нехватки чистой воды. Общество невероятно разбогатело – а на головы миллионов людей обрушились новые страдания. Почему, почему так?..

– И вы думаете, – не без трепета спросил я, – здесь не обошлось без... эм... темных богов?..

Картина, которую нарисовал Иван Ваньч – поразила меня.

– Определенно, друг мой!.. Определенно!.. Посуди сам: человек в своем уме и с незапятнанным сердцем не станет делать гадости своим ближним. Это значит: господа

власть имущие променяли свою человечность на сухарь с маслом. Они зомбированы вредоносными сверхъестественными сущностями, которые – как хлебом и молоком – питаются людскими страданиями. «Верхи» для того множат боль и горе народов, чтобы кормить своих чудовищных хозяев...

Иван Ваныч замолчал – видимо, утомленный долгой речью.

Я сидел мраморным изваянием – и только чувствовал шеление волос на голове.

То, что говорил Иван Ваныч было страшно, странно, сюрреалистично, безумно. И вместе с тем – чертовски убедительно.

– И за ваши... идеи, – спросил я, – вас и заперли... в психиатричке?..

– А как же?.. – Иван Ваныч устало махнул рукой. – Ты знаешь: у маленького человека две беды. Государству на тебя плевать – или государство тобой заинтересовалось. Я просто сантехник. Пока я чинил трубы и сливные бачки – сильным мира сего не было до меня дела. Но когда я стал делиться своими мыслями об общественном устройстве в блоге... и когда у меня набралась сотня подписчиков... Тогда за мной мигом приехала команда стражей порядка в штанах с лампасами и в фуражках и врачей в блестящих очках, с полированными лысынами и в белоснежных халатах. Сначала меня сутки мурыжили в полицейском участке – а потом решили, что мне не помешает годик принудительного лечения в пси-

хушке. Эхх...

Иван Ваныч снова махнул рукой – и тяжело вздохнул.

Я тоже тоскливо вздохнул. История Ивана Ваныча напоминала мою собственную. Я вспомнил, как меня схватили за распространение «Классовой войны» и передали потирающим ладошки хихикающим мозгоправам. Похоже, что так называемый «сумасшедший дом» – это резервация для тех, чье мнение отличается от общепринятого, транслируемого интернетом и телеящиком.

– На ужин!.. На ужин!.. – донесся из коридора голос. Должно быть – сестры-хозяйки.

Дедки на койках зашевелились.

– Пойдем, брат, – Иван Ваныч поднялся и положил руку мне на плечо.

Тощие и распухшие, пришибленные «психи» с бледными физиономиями – потянулись по коридору в столовую.

Мы с Иваном Ванычем заняли крайний столик.

На ужин была манная каша – в которой плавало по кусочку желтого масла. Пациенты застучали ложками – и зачавкали, как поросята у корыта.

Иван Ваныч зачерпнул ложку каши. Положил обратно. Остановил на мне долгий взгляд:

– А все-таки, парень. Откуда на тебе следы контакта с демоном-юха?..

– Демоном?.. – слабо улыбнулся я.

– Именно. Это трудно объяснить – но я вижу то, что дру-

гие не видят. Ты можешь не верить в демонов. Тем не менее – они существуют. Так вот – по тебе, приятель, я вижу: ты провел ночь со змеей-юха. Поразительно, что ты остался жив.

– Зме-ей?..

Я дернулся и выронил ложку.

Я припомнил свое яркое видение, галлюцинацию: пятнистая змея сжимает меня тугими кольцами; красным раздвоенным языком касается моих щек... Мне стало не по себе. Меня точно прошиб озноб.

– Расскажите, – слабым голосом попросил я. – Что это за демон, которого вы называете «юха»?..

– Юха... – повторил Иван Ваньч, по привычке шмыгнув носом. – Ты немножко знаком с тюркской мифологией, сынок?.. Читал татарские или башкирские сказки?.. Есть у тюрков представление об оборотне-юха, который является в двух облициях: прекрасной девушки и змеи...

Иван Ваньч помолчал.

– Юха живут по нескольку сотен – а то и тысячу лет... Пища демона – вернее, демоницы – это сексуальная энергия мужчин и... кровь. Густая – как томатный сок – теплая кровушка, текущая в твоих и моих венах... В образе неотразимой красавицы оборотень занимается со своей жертвой – с каким-нибудь недалеким юношей (прости!..) – любовью. Занимается до тех пор, пока не истощит все силы бедолаги. Не выжмет его, как половую тряпку. А затем – когда незадачли-

вый любовничек уже не в состоянии шевельнуть и большим пальцем правой ноги – демоница, в своем змеином обликии, высасывает из жертвы кровь. До последней капли...

Я чуть не подавился кашей.

А Иван Ваныч вдохновенно – с огнем в глазах – продолжал:

– Вообрази себе. Совершенно бескровный труп. Сухое – будто вяленое – мясо на костях. И все это – в чехле сморщенной кожи. Таковую «мумию» оставляет юха... И – глядя на тебя, братец – я удивляюсь: почему ты не «мумия» без единого грамма крови?.. Как – побывав в объятиях юха – ты остался целым?..

– А я должен был умереть?..

Я нервно сглотнул – и затрясся, как осиновый лист. То, что говорил Иван Ваныч про юха – было фантастично и просто невысказано. Но я ничего не мог поделать: я верил, верил Ивану Ванычу. Верил, что он видит на моем лице следы общения с демоницей.

Холодея, я припомнил: когда, занимаясь сексом с Акбалой, я вымотался до предела – моя подозрительно неутомимая любовница оседлала мне член и так скакала, что довела меня до состояния помрачения. А потом – с замутненным сознанием – я будто бы видел гигантскую змею.

Змея – это истинный облик Акбалы?..

Акбала – юха?..

Так и недоев невкусную кашу – я пошел сдавать тарелку

посудомойщице.

10. Как найти юха

Потянулись однообразные дни за наглухо запертыми железными дверями отделения психиатрической больницы.

Подъем – завтрак – прием таблеток – обед – снова прием таблеток – ужин – отбой.

Иногда я останавливался у обрешеченного окна – и подолгу смотрел на падающие за стеклом вперемежку снег и дождь.

Раза два в неделю меня вызывал в кабинет жирный иезуит-врач. Сверлил меня глазами и задавал каверзные вопросы:

– Ну что, мой юный комми-анархист?.. Какие виды на классовую борьбу?..

Доктора сильнее всего волновало: не замышляю ли я какую-нибудь р-р-революционную деятельность. Не планирую ли опять печатать газету?.. Или собрать у себя в ванной бомбу, начиненную гвоздями – чтобы метнуть в кортеж президента?..

Я отвечал почти честно:

– Доктор, я переболел... классовой борьбой. Я успокоился.

Глаза психиатра цеплялись за меня, как репей:

– Так как же, господин хороший, ты дошел до такого со-

стояния, что тебя пришлось везти в клинику?..

– Это совсем другая история, доктор. Мне понравилась девушка... из социальной сети. Мы переписывались. А потом девушка вдруг перестала мне отвечать. Вот крыша у меня и поплыла...

Как видите: я говорил полуправду. Выкладывал карты на стол – кроме туза. Я умалчивал только о том, что виделся с Акбалой. Даже спал с ней.

– Ух ты, бедный-несчастный Ромео, – гоготал иезуит-психиатр. – Ну ничего: мы поставим твою крышу на место. А когда выйдешь из больницы – запишись за умеренную цену в терапевтическую группу «Отношения для проблемных мужчин». Там тебе окончательно вправят мозги. Ты оглядишься вокруг – и взамен виртуальной красоты в кружевном белье найдешь себе какую-нибудь Марфушу или Аксинью. Круглобокую, как поросеночек – но зато отлично готовящую котлеты по-киевски, малиновое варенье и другие вкусняшки. Го-го-го!..

Я сидел покорный. С опущенной головой. Но мне хотелось плюнуть докторишке в физиономию.

По средам и субботам ко мне навещался дядя.

Он приносил бутерброды с семгой – на которые я накидывался с волчьей жадностью; отвратительные больничные харчи стояли мне поперек горла.

Подперев голову рукой, дядюшка смотрел на меня со «светлой», «благородной» грустью и вздыхал:

– Какой ты у меня непутевый. Жenu бы тебе.

Я знал: это мечта дяди. Женить меня на разумной – с его точки зрения – девушке. Не важно: красивой или нет. Чтобы эта «умница-разумница» приглядывала за мной, как за собственной больной матерью; направляла меня – точно своего великовозрастного сынка. Под благотворным влиянием супруги я брошу страдать ерундой, маяться дурью – и восстановлюсь в университете. Чтобы через несколько лет надеть безукоризненный черный пиджак, повязать полосатый галстук – и вешать лапшу на уши клиентам в юридической консультации.

Но чем сильнее меня хотели поженить дядя и психиатр – тем больше во мне накапливалось протеста.

«Лучше бы вы друг на друге поженились», – скрипя зубами, думал я.

Я любил Акбалу. Ее одну.

Я не перестал любить ее оттого, что поверил, что она – оборотень-юха. Нет!.. Я испытывал к Акбале какое-то болезненное влечение. Так мотылек летит на огонь – в котором неизбежно спалит свои белые крылья.

Я спросил Ивана Ваньча:

– Вот вас удивляет, что Акбала не убила меня. А может она меня пощадила – потому что полюбила?.. Удовлетворилась тем, что выкачала из меня сексуальную энергию?..

Иван Ваньч сдвинул брови:

– Любовь юха к человеку?.. Такое не встречается даже в

сказках...

– Но ведь Акбала отпустила меня. Не выпила мою кровь!..

– Ты прав: это очень странно...

Сердце мое вспыхнуло надеждой:

– Иван Ваныч!.. А есть способ выйти на след... юха?..

Иван Ваныч поразился:

– Малой!.. Тебе не терпится снова попасться в лапы оборотня?..

Я опустил голову:

– Но ведь я люблю... Акбалу.

Иван Ваныч – задумавшись – почесал свою лысеющую голову:

– Есть верный способ найти кого угодно на планете...

– Расскажите!.. – загорелся я.

– Нет-нет-нет!.. Искать оборотня – это тебе не игра. Это слишком опасно!..

И Иван Ваныч, замахав руками, чуть ли не бегом пустился по узкому коридору – по которому мы только что неторопливо прогуливались, как философы-перипатетики.

Во время таких прогулок мы говорили о многом. Вернее – говорил Иван Ваныч. А я слушал с открытым ртом. Иван Ваныч приподнимал передо мной завесу над совсем неизвестными мне сферами.

Особо мне врезалось в память то, что он говорил про параллельные миры. Оказывается: демоны и оборотни (те же юха) способны открывать порталы в иные реальности. Неко-

торые опасные сущности так и странствуют из мира в мир – всюду находя себе жертв.

Сердце мое сжималось. Что если и Акбала такая же кочевница?.. И – как следующая за стадом быков тигрица – давно переселилась в параллельный мир?..

Нет!..

Такого мне не пережить!..

Пусть Акбала – демон. Юха. Все равно я пылал мечтою снова встретить свою роковую возлюбленную – поможет мне Иван Ваныч или нет. Чем скрыться в параллельном мире, оставив меня стгорать на медленном огне неразделенного чувства – лучше бы Акбала в ту памятную ночь высосала из меня кровь.

Да. Я грезил об Акбале. Хотя и поверил, что она – юха.

А раз Акбала – оборотень, значит убивает людей, чтобы насытиться кровью. И спит со своими жертвами ради порции сексуальной энергии.

Эти мысли ввергали меня в отчаяние. Мне хотелось кричать от рвущей душу боли.

Пусть, пусть Акбала убивает. Пусть убивает плохих людей: садистов, маньяков и неонацистов. Но выкачивать сексуальную энергию Акбала должна только из меня. Делить постель только со мной. Как всякий мужчина – я был собственником...

...В больнице меня любили.

Медсестры ласково звали меня «Ромео». Видимо – жир-

ный врач разболтал персоналу, что я загремел в психушку из-за любви к виртуальной красавице. Люди сочувствуют несчастным влюбленным – особенно женщины.

Техничка, когда скребла полы – улыбалась мне по-матерински. А толстая повариха, кладя мне в тарелку завтрак, обед или ужин – всегда интересовалась: а не хочу ли я добавки?..

От манной каши и горохового супа я вежливо отказывался. А вот дополнительную тарелку овощного салата иногда брал. Это было единственное блюдо в больничном меню, без отвращения отправляемое мною в мой пищевод.

Но насколько сотрудники привечали меня – настолько же желчно, нетерпимо, ядовито относились к моему другу Ивану Ваньчу.

Дородная, как самка мамонта, техничка – выжимая половую тряпку – говорила мне:

– И что это ты, золотой, все ходишь с этим... юродивым?.. От таких – как от чумных – подальше держаться надо.

Когда мы с Иваном Ваньчем выходили в коридор погулять – медсестра, только что беззаботно пившая кофе или решавшая японские сканворды у себя на посту, заметно напрыгалась (так ошетиливается иголками еж) и впивалась налившимся кровью глазами в Ивана Ваньчу.

Пациенты в лоскутной пижаме – и те с ехидством бросали Ивану Ваньчу в спину:

– Не миновать тебе, сантехник-экстремист, корпуса «а».

– А что там – в корпусе «а»?.. – спросил я как-то Ивана Ваныча.

Иван Ваныч грустно улыбнулся:

– Филиал ада. В корпусе «а» пациентам (лучше сказать: узникам – ха!..) делают лоботомию. Вводят убойные препараты – от которых температура подскакивает до сорока градусов. Бьют несчастных током и морят голодом... В корпус «а» принимают людей – а выходят оттуда двуногие вареные овощи, захлебывающиеся собственными слюнями...

Иван Ваныч оставался спокоен – а меня до костей пробрала холодная дрожь.

Надо признать: Иван Ваныч и сам провоцировал персонал.

Обычно сдержанный и даже флегматичный – Иван Ваныч иногда взрывался, как вулкан. И – придя в неистовство – принимался скандировать:

– Предатели!.. Слуги темных богов!.. Коллаборационисты!..

Немедленно раздавался бычий топот. Это летела по коридору бравая команда дюжих санитаров.

Они хватали несчастного Ивана Ваныча и ремнями призывали к койке.

«Что ж вы делаете, ироды?» – чуть не срывалось с моих губ.

Но нет. Я оставался беспомощным и немым – трясущимся, как обрубленный собачий хвост – наблюдателем безоб-

разной сцены.

Торопливыми шагами подходила сосредоточенная – со сдвинутыми бровями – медсестра и вкалывала Ивану Ванычу несколько кубиков лекарства.

Иван Ваныч дергался, изгибался дугой – и затихал. Он оставался в неподвижном бессознательном состоянии полчаса – три часа – полдня.

Когда Иван Ваныч оживал – я освобождал бедолагу от ремней. Кряхтя, с усилием Иван Ваныч садился на койке. И – облизав сухие губы – ронял:

– Ох, доиграюсь я... Отправят меня в корпус «а»...

Мой бедный друг не ошибся.

Однажды после отбоя в палату вошли и встали у дверей два санитары – с квадратными плечами и с тупыми, как булыжники, физиономиями. Правый санитар суровым голосом приказал Ивану Ванычу:

– Собирай манатки. Тебя переводят в корпус «а». Допрыгался, кузнечик.

– Допрыгался... – вздохнул Иван Ваныч.

Он был спокоен – только побледнел.

А у меня сердце гремело турецким барабаном – при мысли о страшной участи, на которую обрекли Ивана Ваныча. Казалось: я расплачусь – и с кулаками ринусь на душегубов-санитаров.

Я всхлипнул.

Ивану Ванычу недолго было собираться. Сунуть в пакет

зубную пасту, полотенце, рулон туалетной бумаги...

Но Иван Ваныч не торопился.

Он сел. Испытующе на меня поглядел. И сказал – негромко, но отчетливо:

– Вот что, приятель. Наверное, я должен рассказать тебе. То, что ты хочешь знать. Ты не дурак: сам знаешь, как распорядиться информацией...

– Пошевеливайся, дед!.. – прикрикнул на Ивана Ваныча один из санитаров.

Иван Ваныч только дернул плечом – как бы сгоняя муху.

– Слушай внимательно. Возьму фото твоей Акбалы – и смотри, не отводя взгляд. Сосредоточь все мысли на своей демонице. Если все сделаешь правильно – ты войдешь в своего рода транс. И тебе станет ясно, где искать следы твоей юха... Нехитрый фокус.

– Уймись, птица-говорун. Идем!.. – санитар поздоровее (хотя и второй был качок) ухватил Ивана Ваныча за шиворот и потащил. – Шевели лапами!..

– Иван Иваныч!.. – воскликнул я.

Но Ивана Ваныча уже выволокли в коридор.

Я закрыл лицо ладонями – и заплакал...

...Меня продержали в клинике не так долго. Двенадцатого марта мне вернули паспорт, телефон и одежду – и выпустили меня на вольную волюшку.

11. Дельфин в замусоренном океане

Нет – я не забыл, на какую страшную участь проклятые эскулапы в очках и белых колпаках обрекли моего товарища Ивана Ваньча. В сердце проворачивался болт – стоило лишь подумать об этом.

Но когда я оставил похожие на чудовищ серые больничные корпуса за спиной – я не мог, библейским языком говоря, не возрадоваться.

Весеннее солнце грело голову. Воздух пьянил – несмотря на примесь запахов бензина и мокрого мусора. Заливались пернатые. Я широко шагал – и думал об Акбале.

Незамысловатым способом, который подсказал мне Иван Ваньч – я найду ее. Я уже представлял, как прижму ее к своей груди. Я скажу: «Я знаю: ты – демоница. Юха. Но я все равно, все равно тебя люблю!..».

После таких слов Акбала – конечно – растает, как сливочное масло под солнечным лучом... О, как удивительна моя судьба!.. Не у каждого хомо завязывается с прекрасным оборотнем...

Я планировал: доберусь до квартиры – в первую очередь приму горячую ванну. Смою с себя больничные «ароматы» и микроорганизмы. А потом – хрустя чипсами со вкусом паприки да маленькими глоточками попивая дающий пары лимонный чай – посмотрю с ноутбука какое-нибудь легкое аниме в жанре «гаремник».

Но дома меня ждал неприятный сюрприз.

Едва я ступил в прихожую – с кухни долетели напоминающие овечьё бляенье голоса и лающий смех.

Что за черт?..

Или у меня слуховые галлюцинации – и мне лучше всего, не вылезая из ботинок, ехать обратно в психушку?..

Я все-таки разулся – и прошел на кухню.

На меня повернулись две багровые физиономии; сизые носы, фиолетовые мешки под глазами. Растрепанная тетка – страшная, как баба-яга. И опухший мужик с приоткрытым ртом. Явные алкоголики.

На столе – шмат сала, нож, вяленая рыбка, две головки чеснока. Наконец – бутылка водки, подтверждающая очевидное: чертовы гоблины – алкаши.

Мое появление не смутило «гоблинов» ни на каплю.

– А, малой!.. Тебя выпустили из дурки?..

Я задрожал.

Незванные гости не только вольготно развалились на моей кухне – но и откуда-то знают про мои дела!..

Я молча повернулся.

– Эй, постой!.. Хлебни с нами за знакомство!.. – пригласил опухший мужик, наливая журчащую водку в рюмку.

Выйдя в коридор – я, нервно сглотнув, достал мобильник и набрал номер дяди.

– Алло. Племяш?.. – раздался в трубке бодрый дядин голос. – Как себя чувствуешь, дорогой?.. Сегодня тебя должны были выпустить из клиники.

– Эти люди... в моей квартире... Откуда?.. – хрипло спросил я.

– А-а. Это Авдотья Николаевна и Сидор Никифорович. Прошу любить и жаловать!..

Я чуть не ругнулся трехэтажным матом. Как будто мне стало легче оттого, что теперь я знаю вурдалаков-выпивохов по именам!..

– Что делают эти... черти... у меня дома?..

– Черти?.. Как грубо, племянник!.. Все очень просто: я сдал большую комнату в твоей хате. Ты-то все равно в маленькой комнате живешь. Пусть квадратные метры приносят нам денежку...

Я нажал «отбой» – и спрятал телефон.

Как клиент психиатрички, раздававший в парке «Классовую войну» – я был урезан в правах на квартиру; моим имуществом распорядился дядя – в качестве опекуна. А уж дядюшка мой был человек с истинно капиталистической жилкой!.. Готовый делать деньги хоть на жилплощади, хоть – извините – на дерьме, как незабвенный император Веспасиан. Сердиться, спорить с дядей – не имело смысла.

Я только шумно вздохнул – и пошел в ванную, помыть руки после улицы.

Сток заплеванной раковины был забит волосами.

«Тролли», – с отвращением подумал я.

После ванной я заглянул в туалет по малой нужде. И увидел в унитазе не смытую кучку экскрементов. Меня чуть не

стошнило.

В расстроенных чувствах я направился в свою комнату.

Боже мой!.. С какими отвратительными хамами и грязнулями мне придется жить под одной крышей!.. И все благодаря дядюшке, погнавшемуся за звонким червонцем.

В комнате я попытался отвлечься, листая книжку.

Получилось не очень. Через стенку летели пьяные голоса и взрывы гиенного смеха Сидора и Авдотьи; звон рюмок.

Потом вонючие алкаши переместились в «свою» (ха!.. – в «свою», по милости великого коммерсанта дяди!..) комнату и на полную мощь врубили телящик.

До глубокой ночи они смотрели ТВ – переключаясь между каналами. То какая-нибудь звезда эстрады выводила лирическую песенку с сомнительной рифмой. То диктор новостей вещал: «...поставки газа...» – «курс червонца...». И все это под раскаты хохота перебравших троллей.

Время от времени хлопала дверь – шаркающими шагами тролли направлялись из комнаты в туалет.

Погасив свет – я лежал на кровати поверх одеяла и старался думать о своем. Об Акбале.

Бедный Иван Ваныч подсказал мне простое средство отыскать мою прекрасную юха. Но сейчас – под шум попойки новоявленных соседей – сосредоточить все мысли на Акбале вряд ли удастся. Нужна хотя бы относительная тишина.

Не знаю как, но – несмотря на рев зомбоящика и дикие возгласы Сидора и Авдотьи за стенкой – я забылся сном.

Должно быть – мне нужно было сбежать в царство Морфея от неприглядной действительности.

Проснулся я, когда шторы подсвечивал бьющий в окно красноватый луч утреннего солнца. Комната наполовину еще тонула в серой мгле, которая – как паутина – оплетала предметы. В квартире было тихо, как в гробу.

«Жрали всю ночь водяру, пузырь давили за пузырем – а теперь мирно посапывают, как младенцы в колыбельках!..» – со злостью и отвращением подумал я про Сидора и Авдотью.

Я сунул ноги в шлепанцы и отправился на кухню.

Со вчерашнего вечера у меня во рту маковой росинки не было.

Стол на кухне весь был усыпан хлебными крошками, рыбьей чешуей и колбасными шкурками. Следы трапезы моих домашних гоблинов!.. Мне захотелось сплюнуть. Жить мне теперь в грязи – как на помойке.

Я налил себе кофе с молоком и сделал бутерброд с сыром и кругляшкой помидора. После нехитрого завтрака – вернулся в комнату.

По-прежнему висела сонная тишина. Сидора и Авдотьи не было слышно. Слава богам, слава богам.

Сердце мое чаще забилося.

Сейчас самый удобный момент, чтобы – по подсказке Ивана Ваньча – настроиться на Акбалу. Как поймать антенной радиоволну.

Ну что, джигит?.. Вперед?..

Я включил ноутбук. Нашел в социальной сети фото, на котором Акбала позировала в голубом платье, с веерами в руках. Весь подобрался – даже губу закусил. Уставился на фото – и попытался думать только о моей юха.

Я прокручивал в голове события моего единственного с Акбалой свидания. Как мы пили чай. Как Акбала стонала и изгибалась в моих объятиях.

Накатило опасение. Что если я занимаюсь ерундой?.. Разве можно учуять следы человека (или демоницы), просто думая о нем?..

Но чем сильнее жалили меня осы-сомнения – тем упорнее я представлял себе нежное личико Акбалы. Я припоминал каждую деталь ее облика: родинку у края чуть пухлых чувственных губ – изгиб черных, будто тушью нарисованных, бровей – смеющийся взгляд...

Если у меня нет другого способа найти милую Акбалу, я испробую этот способ – фантастический и немислимый.

Милая Акбала... Ха!.. Милая?.. Я ведь поверил, что она змея-оборотень – по неизвестным причинам меня пощадившая, не выпившая мою кровь.

Проявит ли демоница запредельную доброту при следующей встрече?.. Или – повиняюсь собственной природе – как воду из губки, выдавит из меня и сексуальную энергию, и кровь?.. Нельзя дважды безнаказанно сунуть руку в пасть львицы. Не дурак ли я – с фонарем ищущий свою смерть?..

Но – говорят – дельфины выбрасываются из моря на бе-

рег. Особенно – если море превратилось в зловонную лужу, в которой плавают бутылки из пластика и консервные банки. Моя жизнь – такая лужа. А я – дельфин.

Единственное, что было светлого в моем сером существовании – это свидание с Акбалой. Я вел задушевные разговоры с прекрасной девушкой. Я ее обнимал и целовал.

И пусть кончилось тем, что наутро я лежал немощным полутрупом. Пусть Акбала – на самом деле – змея, для которой я был беспомощной жертвой.

Все равно!..

Я лучше умру, еще раз насладившись в постели с Акбалой – чем буду влачить жизнь больного дельфина, бороздящего замусоренный океан.

Я долго сидел – пристально вглядываясь в фото Акбалы.

И что бы вы думали?..

Я почувствовал вдруг легкое головокружение. Мне стало хорошо, как от пары бокалов отменного вина. Я даже взмахнул руками – будто птица крыльями – и беззаботно рассмеялся.

И я понял: я обязательно найду Акбалу – если отправлюсь на поиски прямо сейчас.

Не раздумывая больше – я оделся и покинул квартиру.

12. Медовые день и ночь

Трудно объяснить, что за чувство компасом указывало

мне дорогу. Проще сказать: я целиком и полностью положился на интуицию. Передо мною точно витала тень Акбалы.

Я вызвал такси, в котором примчался на вокзал. Купил в кассе билет. Зеленая змея электрички как раз подползла к платформе. Уверенный, ни о чем не раздумывая – я зашел в вагон.

Электричка загремела – помчалась стрелой. Я сидел – и смотрел в окно на проносящиеся мимо бетонные ограды, покрытые, как паутиной, замысловатыми граффити и коряво выведенными матерными надписями.

В середине вагона смеялись и визжали какие-то подростки: две девушки с покрашенными в розовый цвет волосами (ни дать, ни взять – попугаихи) и трое парней.

По проходу между сиденьями проплывали несчастные продавцы-разносчики – усталыми, хриплыми, почти машинными голосами предлагающие свой товар: от чипсов, шоколада и шипучей газировки – до журналов японских сканвордов и настенных календарей с ликами православных святых.

Но все это я замечал только краем глаза.

Все мысли мои были об Акбале. Ее образ стоял у меня перед глазами.

За окном вагона сменялись платформы. Диктор объявлял: «Малые сосенки» – «Красные зори» – «Дикие петушки». На шестой станции я сошел с электрички.

Возле перрона шумел небольшой рыночек, где продавали

все, что можно вообразить – от нечищенной моркови до кружевных лифчиков. Старушенция – торговка в треугольном платочке – взвешивала на безмене пакет картошки и энергично нахваливала хлопающей глазами покупательнице свой товар. Манил горячими сытными запахами киоск с чуть криковатой вывеской «Пирожки – пельмени».

На секунду я замедлился. Бросил взгляд направо и налево. И – с прежней почти «мистической» уверенностью – зашагал по улице, уводящей от рынка.

Сначала по обе руки от меня чередовались кирпичные пятиэтажки. Пока не сменились бревенчатыми деревенскими домиками, отгороженными хлипкими заборами.

Я шлепал по мутно-зеленоватым лужам и слякоти. Вперед, вперед!..

Домишки пошли покосившиеся, с разбитыми или заколоченными окнами – явно нежилые. Во двориках громоздился разнообразный хлам. Слышался протяжный собачий вой. Каркали вороны. Дорогу мне перебежала на трех ногах серая кошка.

За домишками начались сарайчики – еще более заброшенные. И еще какие-то постройки неведомого назначения. Кругом – ни души.

Так я топтал ботинками грязь – пока не остановился в тупике перед здоровенной ржавой лоханью мусорного контейнера.

У «лохани» я увидел молодчика в кожаной куртке. Со сва-

стикой, вытатуированной на бритой голове.

«Чертов нацик!...» – с отвращением подумал я.

У нациста отвисла челюсть. Он дрожал мелкой дрожью. Глаза нацика бегали – полные животного ужаса. Лицо было бледно, как мел. Из рта вырывались хрипы и еще какие-то нечленораздельные звуки.

Нацист был захвачен страхом. Неодолимым страхом.

Страх – говорят – заразителен. Переступив с ноги на ногу – я застыл на месте.

А дальше...

По ту сторону ржавой «лохани» поднялась на длинном узорном теле черная огромная змеиная голова. Раздалось шипение – как будто выходит воздух из проколотой велосипедной шины.

Мгновение – и змея метнулась. «Склянула» неонациста, как голубь червяка. Со своей добычей в зубах – исчезла за контейнером. Я услышал только нечеловеческий вопль нацика.

Волосы на голове моей зашевелились. Сердце екнуло – точно камушек стукнулся о фарфоровую чашку. Я понял: сейчас я видел охоту юха.

Оборотень схватил свою жертву. От неонациста ничего не останется, кроме обескровленного трупа – напоминающего сушеную воблу...

Не знаю, сколько я простоял, скованный испугом, пораженный. Мне жутко было и вообразить, что происходит за

контейнером. Притом, что добычей змеи был нацист – которого совершенно не было жалко.

А потом я нерешительно позвал:

– Акбала!..

И чуть-чуть погромче:

– Акбала!..

И что вы думаете?..

Из-за контейнера – неторопливыми шажками – вышла грациозная Акбала. Будто и не было никакой змеи.

Акбала подошла ко мне и положила свою маленькую ладошку на мою грудь. Нежная изящная красавица с улыбкой на алых губах-лепестках. Со струящимся волнистым потоком черных волос.

– Привет, дорогой, – сказала она. – Ты меня таки нашел. И – знаешь – я этому, пожалуй, рада.

Она помолчала.

– Ты видел мою охоту. Я высосала кровь из этого... нацика. Ты не очень испугался, милый?..

(«О, я снова «милый»!..» – не мог не отметить я).

– Ты убиваешь неонацистов?.. – пряча в карманы трясущиеся пальцы, спросил я.

– Неонацистов. Уголовников. Воров. Педофилов, – ответила Акбала. – Можно сказать: я ангел справедливого возмездия. – Она улыбнулась. – Тех, кто не таит за пазухой больших грехов – я не трогаю. Не такое уж я и чудовище – правда?..

Акбала тихонько рассмеялась.

Нервно сглотнув – я спросил:

– Ты сначала спишь со своими... жертвами – прежде чем убить?..

Акбала снова рассмеялась:

– Я знаю, что тебя волнует. Нет: я ни за что не разделила бы постель с бандитом или нацистом... даже ради порции столь необходимой мне энергии.

– Тогда... как?..

Я хотел спросить, из кого же моя юха выкачивает сексуальную энергию – если из нацистов и прочего отребья только высасывает кровь. Но у меня почти не ворочался язык – как свинцовый.

Акбала улыбалась. Точно не она только что – в облики гигантской пятнистой змеи – умертвила верзилу с серым рисунком свастики на бритой голове. Труп валялся в нескольких метрах от нас – отгороженный ржавым контейнером.

– Пойдем-ка отсюда, милый, – сказала Акбала. – Здесь мусорный контейнер с неприятным запахом. И этот... мертвый нацист... Я бы предпочла продолжить разговор в кафе. Ты джентельмен. Угостишь меня кофе и круассанами?..

В рысжих глазах Акбалы заблестели искорки лукавства.

Она взяла меня под руку.

Мы двинулись мимо заброшенных полуразвалившихся сарайчиков.

Со стороны мы показались бы мирно прогуливающейся

влюбленной парочкой. Никто бы не догадался, что красавица рядом со мной – это только что пообедавший оборотень.

Я весь покрывался «гусиной кожей» от страха и восторга.

Да. Акбала внушала мне разом ужас и восхищение.

Несколько минут назад я видел длинную змею – которая легко, как картонную куклу, схватила и утащила амбала с квадратными плечами. А теперь – точно не было никакой змеи. Рядом со мной шагает восточная красавица – девушка моей мечты.

Я знал: стоит мне чем-то рассердить Акбалу – и могучая юха оставит от меня сухое мясо на ломких костях. Но – черт возьми!.. – от этого мне не меньше хотелось прижать Акбалу к груди. Поцеловать в губы. Агатовые глаза и изогнутые – как луки – брови красавицы сводили меня с ума.

Да уж. Я могу – то ли с гордостью, то ли с горечью – сказать: «Я не такой, как все». Я обладаю редким свойством превращать свою жизнь в захватывающее кино. Мало мне было применять шапку р-р-революционера – раздавать в парке бунтарские прокламации. Так я еще влюбился в демонницу. Вот – пожалуйста – веду ее в кафе.

Мы нашли кафешку недалеко от рыночка.

Сели за столик у окна. Я взял нам ароматный кофе со сливками и круассаны с шоколадной и бананово-карамельной начинкой. Все еще дрожащий, как осиновый лист – я, часто моргая, молча смотрел на Акбалу и ждал, что скажет моя прекрасная юха.

Темные глаза Акбалы смотрели задумчиво. Она – никуда не торопясь – сделала глоток из чашки. Попробовала круасан. И – наконец – заговорила:

– Пора объясниться – да?.. Ты во всем разобрался: я – змея-оборотень. Полчаса назад ты убедился в этом собственными глазами. Ты сумел отыскать меня... Должна признать: ты меня удивил. Но я догадываюсь: тебя направил кто-то умный?..

– В общем – да, – несмело подтвердил я.

– У тебя ко мне – туча вопросов?.. – предположила Акбала. Ее спокойный голос был точь-в-точь журчание тихого ручья.

– Туча, – выдохнул я.

– Я вся внимание, – одарила меня лучезарной улыбкой Акбала, удобнее устраиваясь в мягком кресле.

Я заерзал. Кашлянул. И все же отважился спросить:

– Акбала, почему ты... Мы переписывались с тобой в социальной сети. Почему ты перестала мне отвечать?.. Потом я был твоим зрителем в театре... Подарил тебе букет с запиской... В тот вечер ты сама пришла ко мне. Осталась на ночь... А на утро тебя уже не было... Ты снова оставила меня одного... Почему?.. Почему?..

Акбала заглянула своими лучистыми глазами в мои глаза:

– Потому что я тебя люблю.

– Любишь?..

Мое сердце затрепетало.

– Я люблю тебя, – повторила Акбала. – Еще когда мы переписывались в социальной сети – я поняла: ты не такой, как другие парни. Ты умный, романтичный, с богатым внутренним миром. Не мажор и не потный мачо. Как мне было тобой не увлечься?.. Но я подумала тогда: этот золотой мальчик достоин нормальной девушки – а не змеи-оборотня... Быть любовником змеи – сплошные нервы, стресс, проблемы. И это мягко сказано... Я решила, что должна прервать общение с тобой...

– А потом?.. – спросил я, сглотнув слюну.

– А потом ты проявил настойчивость. Пришел на концерт. Вручил мне цветы с запиской. Я подумала тогда, что должна как-то вознаградить тебя...

– Провести со мной хотя бы ночь?.. – хрипло спросил я.

– Провести с тобой ночь, – кивнула Акбала.

– И конечно: для юха ничего не стоило разыскать меня в огромном муравейнике мегаполиса – хоть я и не давал тебе своего адреса?..

Акбала снова кивнула:

– Твоя правда, дорогой.

– Но ты не ограничилась тем, что занялась со мной сексом, – с горьким смешком заметил я.

– Да... прости... – Акбала виновато улыбнулась и потупила взгляд. Как будто речь шла о какой-нибудь невинной шалости. – Я не удержалась – и выкачала из тебя энергию. Я... была голодна.

– И как же обычно ты утоляешь подобного рода голод?.. – спросил я.

Кажется, у меня нервно задергалась щека.

Акбала рассмеялась:

– Что может быть проще?.. Я нахожу на сайтах знакомств недалеких парней. У мальчиков – ты знаешь – только секс на уме. Секс они и получают. Я сплю с ними – и выкачиваю из них энергию. Каждый берет то, в чем нуждается. Справедливо?.. Правда, после бурной ночи со мной бедный мальчишка чувствует себя так, как будто его неделю держали на воде и сухом хлебе. Но это не слишком большая плата за наслаждение с такой красивой девушкой, как я. Не так ли?..

И Акбала игриво мне подмигнула.

А мне сердце полосовал нож ревности. Мне мучительно было думать о том, сколько рук щупали нежные плодики-груды Акбалы. Сколько похотливых сосунков подминали мою нежную девочку под себя.

Я весь затрясся – и чуть не расплескал свой кофе.

– И часто ты... проводишь время с мальчиками?..

Акбала – вроде бы – даже слегка покраснела:

– Пойми: мне надо... питаться. Один-два мальчика в неделю – моя норма.

На минуту повисло молчание.

Меня все еще потрясывало – как после удара током. Сердце жарилось, точно на медленном огне.

– И что теперь?.. – глухо спросил я. – Ты – конечно – снова

исчезнешь?.. Оставишь меня лить слезы в подушку?..

– Нет, – Акбала положила свою маленькую изящную ручку поверх моей руки. Заглянула мне в глаза. – Нет. Ты доказал мне, как глубоки твои чувства. Даже зная, что я оборотень – ты отважился меня искать. Я не могу бросить тебя, как девочка – плюшевого зайку с оторванным ухом.

И – нежно улыбаясь – Акбала добавила:

– Я не человек. Но мне – как человеку – тоже хочется любви и внимания.

Я слабо улыбнулся в ответ.

Акбала оставила чашку.

– Ты знаешь, дорогой: тут неподалеку есть отель. Я не против расслабиться. А ты?..

Мы расплатились за кофе и круассаны – и вышли из кафешки.

Акбала уверенно ступала по улицам городка. Я отставал от нее на полшага. Меня по-прежнему обуревали страх и восторг. Сердце мое колотило кувалдой – грозя проломить грудную клетку. Я верил и не верил в происходящее.

Акбала, моя Акбала – со мной!.. Она обещала не покинуть меня. О, наверное – я самый счастливейший из смертных!..

И тут же голос презренного рассудка натягивал на моем ликование удилу: «Эй, парень!.. Зачем тебе это?.. Струсил выйти в окно, перерезать себе вены – так ищешь другие способы погибнуть?.. Кому ты доверился?.. Обратню!.. Змее!.. Юха!.. Проклятая змеюка сколько угодно может говорить,

что любит тебя. Откуда ты знаешь, что на самом деле у нее на уме?.. Не высосет ли она из тебя кровь до последней капли – как из того чертова нациста?..».

Но восторг был сильнее страха.

Я любовался походкой, крутыми бедрами Акбалы. Густыми длинными черными волосами, струящимися по спине моей юха. Тонкой талией...

И отвечал брюзгливому старцу-рассудку: «Пусть так!.. Пусть все так!.. Лучше провести одну ночь с прекрасной Акбалой, а на утро умереть (сгореть, как мотылек в пламени свечи) – чем влачить одинокую жалкую жизнь полураздавленного таракана и видеть красивых девушек только на фото в интернете».

Но в глубине души я надеялся: Акбала не обманула – и не убьет меня. Еще долгие годы мы проведем вместе. Видимо – на роду мне было написано любить оборотня. Возможно, красавица-юха принесет мне больше счастья, чем любая девушка из племени Адама.

Впрочем, сейчас мне было не до размышлений.

Я жаждал поскорее прижать Акбалу к груди.

Прильнуть губами к губам Акбалы. Запустить пальцы в ее душистые локоны. Насытить страсть, которая то тлела во мне, то полыхала неукротимым пожаром – но никогда не гасла.

По настоянию Акбалы – мы завернули в магазин. Купили сочную – натертую специями – курочку гриль. Корейские са-

латы в прозрачных контейнерах. Виноград. Крупные – «королевские» – финики. Бутылку шипучего лимонада. Пакет яблочного сока.

– А теперь – в отель!.. – весело сказала красавица.

С сумкой – полной вкусовостей – я еле поспевал за Акбалой.

Отель был простенький – без изысков – с чуть кривоватой вывеской «У Петровны». Рыженькой девочке на ресепшене Акбала деловито сказала:

– Нам номер с двойной кроватью. До завтра – до часу дня.

Я почувствовал, что краснею до кончиков ушей. Рыжая девочка – сто процентов – поняла: на двухместной кровати я и Акбала будем заниматься сексом.

Сексом!.. С Акбалой!..

Я ощутил сладкое волнение.

Акбала заплатила. Взяла ключи. Мы поднялись на второй этаж – и вошли в номер.

Широкая застеленная кровать. Душевая кабина. Тумбочка. Телевизор. Желтые шторы на окнах.

– Все, что нужно для отдыха!.. – обрадовалась Акбала.

Ее смех прозвучал мелодичным звоном декоративного колокольчика.

У меня сильнее забилося сердце.

– Да ты ставь, ставь сумку на тумбочку, – видя, что я топчусь на месте, сказала Акбала.

Я повиновался.

Акбала сняла верхнюю одежду – оставшись в легком, черном в блестках, платьице до колен. Я тоже освободился от куртки.

Мы сели рядышком на по-царски роскошной кровати. Акбала взяла меня за руку и посмотрела мне в глаза томным взглядом – чуть затуманенным, как после пары бокалов хорошего вина.

Биение собственного сердца оглушило меня.

Я робко потянулся губами к губам Акбалы.

– Смелее, – подбодрила меня Акбала.

Я привлек ее к себе.

Мы слились в долгом жарком поцелуе.

Мы не удовлетворились соединением губ. Акбала проби- лась языком мне в рот. Я стал сосать ее язык.

– Акбала... – горячо прошептал я, когда мы – наконец – оторвались друг от друга.

Акбала ловко сняла через голову платьице – оставшись в трусиках, лифчике и длинных чулках. Сказала, чмокнув меня в щеку:

– Милый, раздевайся.

Я скинул все, кроме трусов.

Акбала посмотрела, как мои трусы оттопыривает эреги- рованный пенис – и тихонько засмеялась:

– Какой ты богатырь.

Мои страх и восторг увеличились. Но если страх – до раз- меров ливанского кедра, а восторг – до размеров Эвереста.

Я знал: передо мной не простая красавица – а змея-юха. Оборотень – которому ничего не стоит со мной расправиться. Но я мучительно хотел Акбалу. Хотел вместе с нею рвать ягоды на лужайке любви. И пусть платой будет гибель!.. Сильнее ужаса смерти только половой инстинкт.

Я нерешительно погладил грудь Акбалы.

– Расслабься. Ты слишком скованный, – сказала красавица.

Я чаще задышал.

Расстегнул на Акбале лифчик.

И принялся с жаром целовать ее обнажившиеся груди. Лизать соски.

Акбала застонала.

– Давай, давай, мой хороший, – шептала она, глядя мне в волосы.

Я повалил Акбалу на постель. И – уже набравшийся дерзости – спустил с моей юха трусики. Акбала осталась в одних только бежевых чулках. Мигом избавившись от трусов, я накрыл собой красавицу.

– Да!.. – воскликнула Акбала.

Я вошел в нее – и после нескольких резких толчков обильно фонтанировал спермой.

Лег рядом с Акбалой, успокаивая дыхание.

– Я могу и дольше, – как бы оправдываясь, сказал я.

– Я знаю, милый, – улыбнулась Акбала. – Наберись пока сил. Они тебе понадобятся.

И она игриво мне подмигнула.

Мы легли в обнимку. Головка Акбалы покоилась у меня на груди. Я перебирал густые темные локоны моей красавицы.

Скоро я снова почувствовал возбуждение.

Мне захотелось расцеловать Акбалу всю. Я совлек с нее чулки – и принялся покрывать ее поцелуями от пят до макушки. Акбала постанывала. Я улавливал пробегающую по ее телу дрожь.

Я положил Акбалу на живот. Раздвинул ей ноги. И – уперев ладони в ее упругие ягодицы – ворвался в нее твердым, как камень, членом.

– А-ах!.. – застонала Акбала, вытягивая руки и поднимая голову.

На этот раз – в самом деле – порошу у меня хватило надолго.

В самозабвении я таранил Акбалу, все наращивая темп. Акбала только вскрикивала, вцепившись руками в подушку. Акбала казалась сейчас беспомощной и слабой кошечкой. Я забыл, что имею дело с могучей змеей-обортнем.

– Я кончаю, кончаю!.. – воскликнула Акбала.

В эту минуту и я – чуть не взревев от удовольствия – излил семя.

Тяжело дыша, облитый потом – я повалился на спину.

– Ты настоящий лев!.. – похвалила меня Акбала.

Она проворно встала. Наполнила пластиковые стаканчи-

ки яблочным соком. Протянула мне стаканчик:

– Моему герою!..

Освежиться прохладным яблочным соком было весьма кстати после жаркого соития.

Этот день и последующая ночь были нашим медовым месяцем, спрессованным до суток.

Дошедшие до неистовства, распаленные – мы занимались и занимались сексом. Акбала два раза – с видимым удовольствием – делала мне минет; глотала сперму.

Утомившись, мы перекусили курицей гриль, которую Акбала ловко порезала пластмассовым ножичком. Пожевали финики и виноград. Напились сока и лимонада.

Мы нежились в постели, накрывшись тонким покрывалом. Акбала ластилась ко мне; мурчала, точь-в-точь котенок. Я прижимал ее к себе – как самое дорогое сокровище.

– Если тебе нужна энергия – возьми... – сказал я.

– Я могу спать с мужчиной и не выкачивая энергию, – нежно улыбнулась Акбала.

Я хотел сказать: лучше пей сексуальную энергию из меня – чем находить для этого «мальчиков» с сайтов знакомств.

Но я промолчал.

Мы смотрели телевизор – то и дело щелкая кнопкой пульта. На одном канале крутили какой-то детективный сериал, на втором – лили слезы герои мелодрамы; по третьему наше демократическое телевидение транслировало хентай.

Возбуждаясь от рисованной японской порнографии – мы

сплетались в объятиях и повторяли действия аниме-персонажей.

Время от времени – выбившиеся из сил – мы засыпали на полчаса или час.

Я был счастлив. О, я был счастлив!.. Со мной была любимая девушка – которая дарила мне неземное наслаждение. Я меньше всего думал сейчас о завтрашнем дне.

На рассвете – обнявшиеся – мы забылись блаженной дремотой.

Когда открыли глаза – я нашарил мобильник. Посмотрел время: полдень. Через час нам сдавать номер.

– Что теперь?.. – немного растерянно спросил я Акбалу.

– Я пойду туда, куда ты меня поведешь, – обворожительно улыбнулась красавица.

13. Акбала наказывает

А куда я мог отвести Акбалу?..

Только в родную хату – которую оккупировали Авдотья и Сидор.

Подумав об этом, я почувствовал себя неудобно; как будто песок в ботинок набился.

Я вызвал такси. Как верхом на злом духе – мы с Акбалой домчались до моего подъезда. Поднялись на лифте. Когда я отпирал дверь квартиры – сердце у меня екнуло.

В грязной темной прихожей – я споткнулся о пустую бу-

тылку из-под водки.

– Сидор и Авдотья!.. – скрипнул я зубами.

– Это твои соседи – да?.. – уточнила Акбала.

С кухни – растрепанная, как ведьма, опухшая и с мешками под глазами – высунулась Авдотья:

– Гляди-ка. Девку притащил.

Я почувствовал разлив черной желчи – и захотел сплунуть, как от горькой пилюли. Но Акбала совсем не обратила внимания на хамское замечание алкоголички.

Когда мы помыли руки – Акбала сказала:

– Надо бы приготовить обед. Пойдем, посмотрим: что у тебя в холодильнике.

Мы прошли на кухню.

За залитым жиром столом восседала – в нестиранном махровом халате – вонючая Авдотья. Резала сало, чеснок – и во все совиные глазищи тарасилась на Акбалу.

– А че за девка-то?.. Нерусская?..

Акбала – по-прежнему игнорируя пьянчужку, как дохлую муху – открыла холодильник:

– Которая полка твоя, дорогой?..

– Да твой «дорогой» – кроме чипсов – ничего в холодильнике не держит, – ввернула свое «ценное» мнение Авдотья – и расхохоталась, как баба-яга.

Я нервно дернулся. А Акбала и бровью не повела.

У меня на полке – действительно – не было ничего, кроме выжатого тюбика майонеза и куска варено-копченой колба-

сы. (Зато полки соседей-алкоголиков ломились от вяленой рыбы, бекона, копченых свиных ребрышек и – конечно – от «пузырей» водки).

– Сходи-ка в магазин, милый, – сказала Акбала. – И тогда сварим суп.

– Ми-и-луй!.. – передразнила Авдотья.

Я грозно сверкнул глазами на алкоголичку. Я был близок к тому, чтобы схватить ее за шкуру и выкинуть с кухни – как нашкодившую суку.

Но Акбала мягко улыбнулась мне:

– Иди, иди, золотой. Купи мяса, лука, картошки, моркови – и чего-нибудь на десерт.

Не в силах сопротивляться нежной – как майское солнышко – Акбале, я потопал в супермаркет.

Мне совсем не хотелось оставлять любимую одну в квартире с грязными алкашами. Кидая в тележку товары – я строил тысячи предположений: не оскорбили ли Сидор и Авдотья Акбалу, не затеяли ли скандал?..

Но когда я вернулся с пакетом продуктов – Акбала спокойно мыла кастрюлю в раковине; а Авдотья по-прежнему лопала чеснок и сало.

– Милый, ты пришел?.. – Акбала чмокнула меня в щеку.

Авдотья ожидаемо разразилась каркающим смехом.

Акбала проворно порезала лук, мясо, картошку, морковь – и поставила суп. Скоро суп был готов. Акбала разлила его по тарелкам.

Авдотья смотрела наглыми глазами. Ее сало, чеснок, разделочная доска занимали почти весь стол. Куда тут вписаться двум тарелкам супу?..

Меня снова начала бить нервная дрожь.

Но Акбала решила затруднение с восхитительной простотой. Она отодвинула Авдотьино «хозяйство» – и протерла тряпкой освободившуюся половину стола.

– Эй, какого?.. – возмутилась было – разве что не позеленела – Авдотья.

Но Акбала будто не слышала. Сказала мне:

– Приятного аппетита, дорогой.

Авдотья еще пыталась показать всем своим видом надутой лягушки, как обижена и рассержена. Но мы с Акбалой – игнорируя «праведный гнев» алкоголички – с удовольствием хлебали мясной наваристый суп.

Авдотья не выдержала. Бросив чеснок и сало – метая из мутных глаз молнии, громяхая ругательствами – выскочила из кухни и хлопнула дверью.

Мы поели. Акбала вымыла посуду. Мы переместились в комнату.

– Почитай мне, – попросила Акбала, посмотрев на полку с книгами. – Что-нибудь сказочно-фантастическое.

Я взял с полки «Сказание о Гильгамеше (ассиро-вавилонский эпос)». Мы удобно устроились с книжкой на кровати. Я начал читать. Под потолком моей заваленной барахлом комнаты зазвучал торжественный белый стих.

Я читал, а Акбала с волнением слушала об отважном царе Гильгамеше – у которого был верный друг косматый Энкиду. Вместе богатыри совершают много подвигов. Но потом – по воле жестоких богов – Энкиду умирает. «Его постигла судьба человека»!..

Гильгамеша охватывают тоска и отчаяние. Он не может смириться с мыслью, что и сам однажды умрет. Что умрут все его родные и близкие.

Гильгамеш решает добыть волшебный цветок – с помощью которого и сам станет бессмертным, и дарует бессмертие всем жителям своего города...

Древнее сказание завораживало. Но вполне насладиться историей мешали раскаты голоса Сидора, раздававшиеся из-за стенки. Проклятый алкаш точно готовился держать экзамен на дьякона. Время от времени в густой бас Сидора вклинивался тонкий надрывный поросячий визг Авдотьи.

Мы с Акбалой сели за шахматы. Думать над ходами было тяжело – так как по мозгам бил рокот телевизора, включенного на полную мощь Сидором и Авдотьей.

Я злился, нервничал. Порывался идти к алкоголикам ругаться. Но Акбала взяла меня нежно за руку и сказала:

– Не надо.

Мы скоротали день за «Гильгамешем», шахматами, занятиями любовью – старясь не обращать внимания на адский шум, который поднимали алкоголики.

Ночью – когда мы, обнаженные, легли в постель – Акбала

сказала:

– Надо завтра уезжать отсюда.

– Откуда?.. – не понял я.

– Из твоей квартиры, – пояснила Акбала. – Я вижу: ты здесь несчастлив. Да и мне твои соседи не нравятся.

– Твоя правда... – замямлил я. – Но... мне нужно сначала устроиться на работу... чтобы у нас были деньги снять комнату... Тогда мы переедем...

Я почувствовал себя полным ничтожеством. Красавец – привел любимую девушку в полную грязи и перегара пещеру алкашей. Да еще нигде не работаю!.. Привык перебиваться дядиными подачками.

Ну а кем бы я мог работать?..

Только каким-нибудь жалким курьерчиком или раздатчиком листовок. Даже официант из меня никакой: при своей неуклюжести бегемота – я опрокину блюдо на голову клиента.

Все, что я смогу предложить Акбале при своей микроскопической зарплате (которой нет) – это тесная, как клетка, комната с обшарпанными обоями в прокуренной коммуналке.

Не достойна ли большего моя красавица – яркой звездой блистающая на сцене театра?..

Я чуть не заплакал от стыда и досады.

А Акбала положила ладошку мне на грудь и сказала уверенно:

– Нет, зайчик. Мы переедем завтра. С утра соберем вещи.
И – помолчав – добавила:

– А соседи твои... Они понесут заслуженное наказание.

Я поднял голову – и широко распахнутыми глазами посмотрел на Акбалу.

Ну конечно!.. Акбала – оборотень. Мало того, что на знает, где нам немедля искать жилье – это, допустим, не так удивительно. Но она грозит расплатой соседям-алкоголикам. Не приходится сомневаться: у змеи-юха достаточно могущества, чтобы отомстить паре выпивох.

Что сделает Акбала?.. Высосет из Сидора и Авдотьи кровь – как из того уroda со свастикой?.. Я даже вздрогнул от такой мысли. О, это было бы слишком жестоко!..

Акбала – как будто – угадала мою тревогу. Прижала мою руку к своей обнаженной груди. И прошептала мне на ухо:

– Ни о чем не беспокойся, милый.

Она поцеловала меня в губы. Затем откинула с нас одеяло – и оседлала мой член. Я видел ее во всей красе – дерзкую, с чуть приоткрытыми губами; со слегка колыхающейся от дыхания грудью; с родинкой у правого соска. Волосы Акбалы чуть спутались.

Она начала неторопливо – как бы с ленцой – раскачиваться. Но этого хватило, чтобы мой пенис вырос и затвердел.

Акбала наращивала темп. Потихоньку – чтобы я не кончил сразу. С губ у нас слетали тихие стоны.

Постепенно Акбала вошла в раж. Она двигалась уже резко

и быстро. Глаза ее закатились. Голова склонилась на плечо.

Мы финишировали одновременно.

Утомленные – мы крепко обнялись, переплелись, как две лозы. И – не накрываясь одеялом – крепко уснули.

Акбала разбудила меня рано утром – когда комнату еще наполняла серая мгла.

– Вставай, дорогой. Будем собираться.

Акбала зажгла свет.

– Что?.. А?.. – не мог опомниться я. Мозг спросонья был точно прокисший компот.

Потом в памяти всплыл вчерашний разговор. Я захлопал глазами и прикусил язык.

– Будем собираться, – повторила Акбала.

Решив во всем довериться Акбале (а что мне оставалось?) – я не стал больше заикаться про «вот устроюсь курьером – тогда и снимем угол в сарае». Мы быстро уложили все нехитрое имущество в багажную сумку на колесиках и в два больших рюкзака. Вышли в прихожую.

Когда мы надевали куртки и обувались – из комнаты Сидора и Авдотьи вдруг прилетели нечеловеческие истошные вопли.

Авдотья – в распахнутом засаленном халате, костлявая, как смерть – выпрыгнула в коридор и помчалась к ванной.

– Что со мной?!.. Что со мной?!.

И хотя бабища пронеслась, как метеор – я успел разглядеть: физиономия Авдотьи покрыта жирными красными

прыщами. За Авдотьей – в одних семейных трусах в горошек – метнулся с ослиным ревом Сидор. Такой же жутко прыщавый.

Я открыл рот от изумления. А потом сообразил: это месть Акбалы. Чистое колдовство.

Акбала сделала так, что на лицах алкоголиков повыврастали алые бугры.

Что ж. По крайней мере – юха не убила Авдотью и Сидора. Покрывшихся прыщами алкашей даже не жалко. Заслужили. Но я внутренне содрогнулся, поражаясь могуществу моей нежной Акбалы.

14. Фаланстер

Я гадал: куда мы теперь направимся?..

Умнее всего было сесть где-нибудь в кафе и обзванивать агентства недвижимости – если, конечно, у Акбалы есть в кошельке или на карточке деньги на аренду квадратных метров. (У меня-то в кармане свистели степные ветры).

Но Акбала привела меня в парк.

– Садись, дорогой, – кивнула на скамейку.

Прошло пять минут, как мы сели на скамейку. Акбала и не думала доставать телефон и набирать чей-либо номер. Она пристально глядела в пространство – чуть приподняв полумесяцы красивых бровей.

Деревья с растопыренными ветвями не успели одеться зе-

ленью листвы – и стояли кривыми многорукими великанами.

На небо напоззла черно-серая туча. Посыпался снег – который таял, не долетая до земли. В парке висели сумрак и тишина. Только каркали вороны.

Мы сидели и молчали.

Акбала по-прежнему сверлила глазами пространство.

Протекло пятнадцать минут. Я начал нервничать.

– Акбала... Акбала, чего мы ждем?..

– Потерпи, милый. Все будет хорошо.

Одни на пустой аллее в темном парке – мы напоминали рыбаков, караулящих у моря погоду.

– Здравствуйте. Меня зовут Фотинья Александровна. Я так понимаю: вам нужно жилье?..

Я и не заметил, как перед нами материализовалась молодая приветливая тетушка в берете и пальто.

Я аж вздрогнул.

Вот так?.. К нам ни с того, ни с сего подходит приятная женщина и интересуется: не нуждаемся ли мы в крыше над головой?..

Но я быстро смекнул: тут снова не обошлось без сверхспособностей Акбалы. Акбала мистическим образом «призвала» Фотинью Александровну – добрую тетю, которая пустит нас к себе жить. «Призвала» – очевидно – помимо воли самой Фотиньи Александровны.

– Да, – сияя улыбкой, сказала Акбала. – Нам нужно жилье.

– Пойдемте, – тоже улыбаясь, пригласила Фотинья Алек-

сандровна. – Я надеюсь: вам будет уютно в нашем фаланстере.

– Фаланстере?.. – удивился я.

Я знал этот термин из книги Михайло Букунина.

Фотинья Александровна вывела нас из парка на глухую безлюдную улицу – стиснутую какими-то заброшенными заводскими строениями, со стен которых слезала краска.

Мы шли метров семьсот – встретив только серую полосатую кошку, перебежавшую нам дорогу, да клюющих мусор воробьев.

В конце улицы стоял бревенчатый двухэтажный барак с треугольной крышей.

– Наш фаланстер, – с ноткой торжественности объявила Фотинья Александровна.

Мы вошли в выдавшую виды дверь – и двинулись по узкому плохо освещенному коридору. Под ногами заскрипели половицы. Из-за дверей – выходящих в коридор – доносились голоса.

– Мы принимаем всех, кому некуда идти, – рассказала Фотинья Александровна. – Живем коммуной – как маздакиты или первые христиане. Общий стол, общее хозяйство. Это и называется: фаланстер. Нас уже одиннадцать человек.

На сердце у меня вдруг потеплело.

Я вспомнил утопию Михайло Букунина. Его высокие идеалы: социальное равенство – общность имущества – распределение продуктов по потребности – бесклассовые отноше-

ния. Неужели здесь, в фаланстере – хотя бы в рамках небольшого коллектива – осуществлена программа великого революционера?..

О, это чудо – как цветок, проросший сквозь снег!.. Я хочу быть частью этого!.. Спасибо, спасибо милой Акбале – благодаря которой мы сейчас тут. Пусть ей и пришлось прибегнуть к магии.

По шаткой лестнице мы поднялись на второй этаж.

За прямоугольным столом сидели несколько человек – и уплетали вареную картошку. Они дружно нас приветствовали.

На натянутой веревке сушилось белье.

Бытовые условия в фаланстере были спартанские. Но мне показалось: более уютного места я не видал. К черту все пятизвездочные отели.

– По две трети зарплаты мы сдаем в кассу фаланстера, – вновь заговорила Фотинья Александровна. – На продукты для кухни, на оплату электричества и водоснабжения. Треть зарплаты оставляем на личные покупки... Если вы пока не работаете – просто помогайте по хозяйству, а там видно будет. Приготовление обедов и ужинов, стирка, уборка, вынос мусора – все выполняем по очереди либо совместными усилиями... Алкоголь и азартные игры запрещены... У нас есть книги, шахматы, видеоплеер и диски с фильмами – можно скрасить свой досуг. Добро пожаловать в фаланстер!.. А теперь я покажу вам вашу комнату.

Комната была маленькая – с маленьким же мутным оконцем. Под потолком – желтым светом горела лампочка без абажура. Обстановка солдатская: тумбочка да железная кровать. Фотинья Александровна выдала нам постельное белье.

На тумбочке – фиолетовый цветок в горшке. Цветок «оживлял» все помещение – как изюминка наделяет вкусом кусок пирога.

– Цветок поливайте раз в три дня, ребятки, – сказала Фотинья Александровна. – Если я понадобится – я в столовой. Хорошего отдыха.

И добрая тетя оставила нас одних.

Я еще раз с восторгом оглядел комнату.

Подумать только!.. Еще сегодня утром мы делили захлавленную квартиру с парой алкашей. А теперь – мы члены коммунистической общины. Обитатели фаланстера. Пусть все зажавшиеся олигархи лопнут от зависти. У нас такая отличная комната – в которой мне комфортнее, чем в шикарном гостиничном номере.

Я взял Акбалу за тонкое запястье. Заглянул в ее агатовые глаза. И поблагодарил от души:

– Акбала. Спасибо тебе. За то, что мы здесь...

Она обняла меня и поцеловала:

– Не за что, милый.

Мы сели на постель – подобрал под себя ноги. Акбала звонко рассмеялась – понимая, к чему сейчас идет дело.

А к чему может идти дело у влюбленных парня и девушки

– которые в комнате только вдвоем?.. Конечно – к тому, что мы займемся сексом.

Перед соитием с Акбалой меня всегда охватывали и желание, и трепет. Трепет – потому что я помнил нашу первую ночь, которая закончилась тем, что Акбала выкачала из меня энергию. Следующие несколько дней я еле стоял на ногах – как инвалид из концлагеря.

Трепет я испытывал и сейчас. Но тем не менее, я решительно – хоть и слегка дрожащими руками – стянул с Акбалы блузку.

Красавица осталась в белой полупрозрачной маечке – сквозь которую просвечивал черный лифчик.

Акбала взмахнула длинными ресницами и обворожительно улыбнулась. Она напоминала косулю, призывающую самца.

По моим жилам точно заструился жидкий огонь. Я поцеловал Акбалу в губы – в родинку над правой бровью – в переносицу. Жадными пальцами ощупал груди своей ненаглядной.

Акбала осыпала меня поцелуями в ответ. Каждое прикосновение ее влажных губ раздувало мое внутреннее пламя. А я уже стаскивал с Акбалы маечку, лифчик, брюки, трусики...

Обнаженная Акбала развела ноги и подняла колени.

Как бы не торопясь погасить бушующий в крови огонь страсти – я не стал сразу заходить в Акбалу. Удобно устроившись – я поцеловал потаенное место красавицы.

Акбала томно вздохнула:

– Да!..

Вдохновленный – я проник языком между половых губ Акбалы. Акбала выгнулась, как кошка.

Я доставлял моей красавице удовольствие. А она только стонала громче и громче. Да запустила пальцы в мои волосы.

Наконец она издала особенно жаркий стон. Между ее половых губ – как нектар из чашечки цветка – брызнул жемчужный сок, который я слизал.

Акбала распласталась по постели; волосы моей девочки красиво рассыпались волнами.

Пока – все еще постанывающая – Акбала успокаивала дыхание, я разделся. Возбуждение мое зашкаливало.

Я начал ласкать Акбалу. Гладить ее груди и бедра. Ее упругое стройное тело отзывалось на каждое мое прикосновение.

Я лег на Акбалу. И со страстью припал к ее алым губам.

Акбала оплела меня руками, обхватила ногами.

Я вошел в нее – и сразу взял энергичный темп. У Акбалы закатились глаза. Мы оба кричали от страсти. Акбала царапала ногтями мне спину. Железная койка ходуном ходила – так и скрипела под нами.

Взревев, как тигр – я выплеснул в Акбалу сперму.

Мы растянулись на постели – и несколько минут отдыхали. Я смотрел, как вздымается и опускается грудь Акбалы – похожая на два чудесных плодика.

Акбала обожгла меня страстным – будто бы пьяным – взглядом и встала на четвереньки. Я ощутил себя косматым львом, которому выражает покорность гибкая молодая львица. Даже с какой-то яростью – забыв папу и маму – я взял Акбалу сзади.

Когда я удовлетворился – мы снова улеглись. Акбала положила голову мне на грудь. Спросила, смеясь:

– Мы шумели?.. Мы очень шумели – да?.. Все в фаланстере поняли, что у нас был секс?..

Я только улыбнулся.

Подумал: глядя на нас – любой поймет, что эта сладкая парочка одно и знает, что предаваться утехам во славу Венеры.

Я был счастлив. Безмерно счастлив.

Я не помнил сейчас о том, что моя любовница – змея-оборотень.

15.Сожительство с юха

Мы потихонечку обживались на новом месте. Налаживали быт.

Акбала стала верной помощницей старосты фаланстера – Фотины Александровны. Вместе добрая тетушка и сметливая девушка ведали кассой, закупкой продовольствия.

В наше дежурство мы с Акбалой стряпали на всю коммуны обеды – пальчики оближешь. Стряпала – вернее Акбала, а я

был на подхвате.

Мы запекали кур, натертых специями. Варили ароматные супы с обилием перца и зелени. Акбала даже наловчилась жарить лепешки и пирожки.

«Откуда она столько умеет?..» – удивлялся я.

И тут же сердце у меня екало.

«Акбала – оборотень. Она еще не такое умеет».

Я устроился на работу сторожем склада.

Рано утречком – сунув в рюкзак книжку и контейнер с бутербродами, нарезанными заботливой Акбалой – я отправлялся на смену. Сидя на своем пыльном складе, вдыхая микроорганизмы – я уплетал белый хлеб с розовой докторской колбасой, читал «Лейли и Меджнуна» Навои и несколько раз за сутки звонил Акбале.

На следующее утро – весь ватный, но веселый – я возвращался в фаланстер. Нежной ласточкой мне навстречу выпархивала Акбала.

Целовала меня. Ставила передо мной кружку дающего пары зеленого чаю. Кормила меня тем, что было на кухне фаланстера. Укладывала в постель. Прежде чем я засыпал – мы дважды отдавали друг другу «супружеский долг». (Ха!.. Не в наших привычках было оставаться друг перед другом в долгу!..).

Акбала тоже нашла работу.

Три раза в неделю ходила учить детишек спортивным танцам. Акбала сама недавно блистала на сцене.

Я спросил свою красавицу:

– Не хочешь ли ты вернуться в театр?..

Акбала ответила с улыбкой:

– Не в этом столетии. Частая перемена жилища и места работы – в обычаях у юха.

Снова сердце у меня стукнуло – как камень о камень.

А я-то в иные дни не вспоминал, что моя девочка – юха. Оборотень, питающийся кровью и сексуальной энергией.

«Не в этом столетии...».

Я погрузился в печальную задумчивость.

Что говорил Иван Ваныч?.. Что подтвердила сама Акбала?.. Оборотни-юха живут по многу веков – оставаясь юными и красивыми.

Так какое совместное будущее может быть у нас с Акбалой?.. Сколько она будет со мною рядом?.. Будет ли она – свежая и прекрасная, как опрысканный утренней росой цветок – терпеть меня, когда я превращусь в шамкающего беззубым ртом сопливого лысого деда?..

А в каком возрасте я перестану быть темпераментным в постели?.. Может быть – уже в пятьдесят пять?.. Нужен ли я тогда буду неутомимой – как богиня любви – Акбале?..

Эти вопросы глодали мне сердце целую рабочую смену.

Но я пришел со своего склада – и занялся с Акбалой страстным сексом.

Моя красавица обласкала меня, налила мне мой любимый кофе со сливками, почитала мне вслух стихи.

Сочтите меня легкомысленным – но мое пасмурное настроение рассеялось, как облачка под дуновением ветерка. Я успокоился на том, что еще совсем молод – и долго буду в силе.

А когда в ворота мои постучится старость с болями в пояснице и провалами в памяти – я, быть может, скажу Акбале: «Я приношу себя тебе в жертву. Выпей мою кровь».

Достойное завершение жизненного пути!..

Но пока что – зачем думать об этом?.. Надо наслаждаться каждым моментом, как каплей хорошего вина. Сногсшибательная красавица стала моей. О, я счастливейший, счастливейший из смертных!..

Все свободное время мы с Акбалой проводили вместе.

В перерывах между занятиями любовью мы гуляли в парке – где на деревьях уже шумела забрызганная золотым ярким солнцем насыщенно-зеленая листва.

Хорошо было – держась за руки и обмениваясь шутками – бродить по аллеям. Резвиться, как длинноногие газели. Или сидеть в обнимку на скамейке – наблюдая за играющими детьми, которых стерегут строгие мамы.

Иногда мы ходили в кафе эконом-класса. Уплетали пирожки с капустой или мясом. Весело болтали за чашкой кофе. Акбала знала массу увлекательных историй, загадок, шарад – и с охотой забавляла меня. Я тоже старался не отставать – и делился с Акбалой тем, что вычитал из книг за свои рабочие смены.

Когда нам не хотелось ни в парк, ни в кафе – мы оставались в фаланстере, в своей уютной комнатке. Валялись в постели (опять же – занимались сексом). Дурачились (например – сражались подушками). Смотрели с ноутбука фильмы. От романтических комедий до ужастиков и – признаюсь – японского порно, разжигавшего наш сексуальный голод, который мы тут же спешили удовлетворить.

Другие обитатели фаланстера прятали улыбки, когда встречали нас с Акбалой в столовой или коридоре. Все понимали: Акбала и я только и делаем, что справляем «обряды» во славу Эроса и Афродиты.

С товарищами по фаланстеру у нас установились хорошие отношения. Среди членов коммунистической общины было много по-настоящему замечательных людей – подлинных самородков.

Был дедушка, которого собственные внуки выдавили – как пасту из тюбика – из квартиры. Прежде чем прийти в фаланстер – бедный старик полгода бомжевал; питался по помойкам.

Но Василий Петрович сохранил жизнерадостность. Он так заразительно смеялся. Травил байки. Рассказывал поучительные случаи из своего богатого на взлеты и падения прошлого.

Николай Антонович много лет боролся с алкоголизмом. Он преодолел пагубное пристрастие – но раньше пропил дом, потерял работу и семью. Это тоже был прекрасный ду-

шевный человек. Задумчивый и с тихим голосом.

Кого еще вспомнить?..

Дядю Ричарда, который сочинял мелодии – и сам исполнял их на гармошке?.. Изольду Павловну – учительницу русского языка в отставке, мастерицу готовить?.. Товарища по прозвищу «Профессор» – большого знатока по части всего, что касается снежного человека?..

Мы с Акбалой были самыми младшими в фаланстере. К нам относились, как к детям – и крепко любили.

Я мог бы сказать, что я действительно счастлив. Но...

Каждую субботу – поцеловав меня в щеку и одарив лучезарной улыбкой – Акбала с утра уходила из фаланстера. Я не был суровым патриархально-домостроевским мужем, а Акбала – покорной женой в платочке, чтобы я остановил свою красавицу.

Акбала возвращалась под вечер – с ярким румянцем на лице; с глазами, полными блеска.

Скоро я догадался, в чем дело. Да и от Акбалы добился ответа. Она ходила питаться сексуальной энергией!.. Для Акбалы это и означало: «Дорогой, я питаюсь». А для меня: «Моя девушка спит с другими парнями».

Это рвало мне нервы, кромсало сердце.

Я устраивал Акбале сцены ревности. Доведенный до белого каленя – кричал:

– Пей энергию из меня, из меня!..

Акбала оставалась поразительно спокойной. Мои истери-

ки разбивались о ее хладнокровие, как волна о скалу.

Акбала отвечала мне ровным голосом:

– Пойми. Если я буду выкачивать из тебя столько сексуальной энергии, сколько мне нужно – ты не выдержишь. Высохнешь, как вобла. Заболеешь – и может быть даже умрешь. А я тебя слишком люблю.

Эти аргументы были мне, как об слона горох.

Когда я окончательно терял голову от возмущения – Акбала смеялась, садилась на постель и, игриво мне подмигнув, спускала бретельки платяца. Вид обнаженных женских плеч, груди – обтянутой только кружевным лифчиком – моментально «переключал» меня. Да, вот так я примитивно устроен – как кипятильник.

Иногда Акбала поступала еще «радикальнее». Она задирала подол, снимала трусики и принималась массировать свой потаенный бутон.

Не надо и говорить: у нас происходил бурный секс. Я мирился с Акбалой до следующей субботы.

В первую субботу июня я – как всегда – горько упрекал Акбалу в неверности.

Немного утомившись от собственного негодования, я ожидал, что Акбала разденется. Но она – посмотрев на меня долгим взглядом – сказала негромко, но отчетливо:

– Ты знаешь: я ведь не только в сексуальной энергии нуждаюсь... Еще и в крови. Мне пора на охоту. Я чувствую... кровавый голод.

Я вздрогнул и вскинул голову – вмиг забыв про истерику.

Ведь правда: Акбала – юха – питается не только сексуальной энергией (что кажется относительно безобидным), но и красной человеческой кровушкой. Но с того дня, когда Акбала в тупике у мусорного контейнера расправилась в своем змеином обличии с тем татуированным бонхедом – у моей опасной возлюбленной не было больше кровавых жертв.

– Пора на охоту, – повторила Акбала.

Я нервно сглотнул.

Акбала взяла меня за руку. Заглянула мне в глаза. И спросила:

– Поедешь со мной?..

16. Охота Акбалы

Сердце мое тревожно стучало барабаном – но я согласился. За Акбалой я пошел бы не только на охоту – но и в черный ад.

Я так понимал: мы отправимся убивать какого-нибудь мафиози, педофила или крупного взяточника. Потому что невинных овечек моя юха – надо отдать ей должное – никогда не трогала.

Не передать, как я трясся овечьим хвостом, как болели у меня нервы. Еще бы!.. Вчерашний оболтус, знавший только книги и интернет – подписался на такое... дело.

Акбала выходит на добычу. А я – получается – приму

участие в убийстве человека. Хотя бы и прожженного него-
дя. Поневоле задумаешься о моральных – да и о возможных
юридических последствиях.

Мы приехали на грохочущий городской вокзал. Акбала
купила билеты. Через полчаса мы заняли места в вагоне по-
езда.

За окном поплыла платформа: состав тронулся. Акбала
достала из сумки и положила на столик бутерброды и пирож-
ки. Сказала:

– Расслабься, милый. Нам ехать сутки.

Пирожки были мои любимые – с грибами.

Высотки и глухие бетонные ограды закончились. Поезд
летел мимо холмов, полей и островков леса. Мне действи-
тельно удалось расслабиться: перестук колес умиротворял.
Да и Акбала старалась меня ублажить: шутила, что-то рас-
сказывала.

Потом мы пили с пирожками и бутербродами чай. Играли
в города. Загадывали загадки.

В вагоне зажегся свет – а снаружи воздух стал темно-се-
рым. Какое-то время за поездом гнался красный горящий
полукруг заходящего солнца.

Меня сморило. Акбала уложила меня на койку – а сама
села у меня в ногах. Я закрыл глаза.

Мне показалось: пролетела одна секунда. Акбала растор-
мошила меня:

– Вставай, вставай, дорогой. Выходим, пока поезд стоит.

Было уже светло и без ламп.

Схватив рюкзак и сумку – мы выскочили из вагона.

Как только мы очутились на платформе – железный ящер состава медленно пополз. И скоро умчался вдаль. Я огляделся – и чуть не прикусил палец от изумления.

Мы были на совершенно пустынной – точь-в-точь заброшенной – станции. Ни тебе киоска с пивом и чипсами. Ни обклеенных пестрой рекламой стендов. Ни души. Вывески с названием станции – и то не было.

Был солнечный теплый полдень.

За платформой поднимался густой и темный – хотелось сказать: нехоженный и первобытный – смешенный лес.

Рыжеватые колонны высоченных сосен цеплялись – казалось – за плывущие в синем небе облака. Дремали конические ели. Поднимали ветки черно-белые – тонкие, как свечи – березки. Зеленели кудрявые клены.

Висела почти осязаемая тишина.

Только шелестел ветер в кронах деревьев. Да доносился птичий гомон.

Лес напоминал мерно дышащего огромного щетинистого зверя на лежбище.

– Где мы?.. – немного придя в себя, спросил я Акбалу.

– В заповеднике Медвежья гора, – зоркими рысьими глазами обзоревая окрестности, ответила Акбала. – Идем.

Я решительно не представлял, что нам делать в непролазном сонном лесу. Змеи-оборотни ведь на людей охотятся –

а не на лосей?.. Я бы понял, если бы мы проникли в особняк какого-нибудь вора в законе – чтобы порешить хозяина. Или подстерegli бы очередного бонхеда в темном закоулке – что было бы проще всего. Но лес?..

Я покорно следовал за Акбалой.

Вот до чего довела меня любовь к ослепительной красавице, фотки которой я случайно увидел в интернете!.. Я ступаю за своей бесовкой в направлении заповедного леса – даже близко не догадываясь, что произойдет в следующую минуту.

Мы углубились в чащу.

Здесь царил сумрак. Желтые лучи солнца едва просачивались сквозь ветви деревьев – переплетенные у нас над головами.

Громче перекликались пернатые. Я заметил дятла в красной «шапке» – долбившего клювом древесный ствол. Куковала кукушка.

В воздухе летали паутинки. Стрекотали насекомые. Пахло сочными травами и цветами; цветы пестрели здесь и там. Под кустом прятался ярко-огненный мухомор в белую крапинку.

Под ногой моею хрустнула ветка.

– Тише, – сказала мне идущая впереди Акбала.

Сама она двигалась бесшумно – как рысь, глазами которой обладала. Шаги Акбалы были уверенные. Ее точно вел верный инстинкт.

Мы вышли на извилистую тропу – которая вся была в отпечатках звериных лап и копыт. Я разглядел следы, похожие на волчьи – и почувствовал, как по спине у меня запрыгали мурашки.

Акбала – конечно – была неустрашима.

Тропинка вывела нас к широкой поляне.

Мы увидели: на той стороне поляны мирно щиплет траву небольшое стадо бурых оленей.

С большими ветвистыми рогами – величавые самцы. Беспокойно подергивали ушами грациозные самки. Жались к матерям забавные маленькие оленята. Оленей было голов одиннадцать или двенадцать.

– Красавцы. Правда?.. – сказал я.

Акбала поднесла палец к губам – призывая меня к молчанию. Она – кажется – не хотела, чтобы я спугнул животных.

«Не собирается же Акбала – в самом деле – охотиться на оленей?..» – с тревогой подумал я.

Конечно: убивать зверей – гуманнее, чем хомо сапиенсов. Но мне как-то жалко было стройных горделивых парнокопытных. Тем более – жутко было бы смотреть, как с бедными оленями расправляется громадная пятнистая змея.

Но Акбала спокойно опустилась на траву. По-прежнему ничего не понимая, я сел на землю рядом с возлюбленной.

Минут пятнадцать мы чего-то ждали – молча наблюдая за оленями.

А дальше на поляну обрушился ад.

В воздухе загремело. Почти задевая верхушки деревьев – над нами закружился вертолет с бешено вращающимися лопастями винта. Встрепенулись, заметались по поляне олени.

Раздался громкий хлопок.

У могучего рогатого оленя подломились колени передних ног. Он упал продырявленный.

С вертолета стреляли по стаду!..

Один за одним – олени валялись, заливая темной кровью траву. Оленята, самки, матерые самцы... Скоро кровь текла ручьями.

У меня нервы сдали от такой картины. Благородные, красивые животные гибли в заповедном лесу от пуль каких-то мерзавцев!..

Я потряс Акбалу за плечи. Слезы катились по моим щекам.

– Сделай, сделай что-нибудь!..

Я знал: юха имеют магическую силу. Об этом еще Иван Ваныч мне говорил. А разве не Акбала заколдовала Сидора и Авдотью – которые покрылись отвратительными прыщами?.. Так пусть Акбала применит свои сверхъестественные способности во благо – спасет оленей. Пусть сделает так, чтобы у браконьеров руки отсохли, что ли!..

– Олигархи. Развлекаются, – почти равнодушно обронила Акбала. – Они сейчас будут мертвы.

Вертолет начал стремительно терять высоту.

Я только рот распахнул.

Вертолет канул за деревья. Послышался треск веток.

Я посмотрел на Акбалу. И чуть не подавился собственным языком от страха.

С Акбалой – моей Акбалой – происходила чудовищная трансформация.

Губы Акбалы кривились в страшной ухмылке. Из рта выставились ослепительно белые клыки и высунулся длинный раздвоенный язык; слышалось шипение – как будто воздух вырывается из проткнутого велосипедного колеса. Белки глаз у Акбалы пожелтели; а зрачки – став вертикальными – так и сверкали.

Что, что это?.. Это девушка, с которой я сплю?.. Мое мутящееся сознание успело родить очевидную догадку: Акбала – юха – принимает обличие змеи.

На секунду я зажмурился.

А когда открыл глаза – увидел гигантскую пятнистую змею. Она поднимала черную треугольную голову – и разевала красную пасть.

Я почувствовал: сердце мое сейчас выпрыгнет из груди.

Змея – ломаясь по земле – поползла через поляну в том направлении, в котором упал вертолет, и скоро нырнула в гущу деревьев.

Я остался один на широкой поляне – с бурными трупами оленей, утопающими в крови.

Нет, вы только вообразите. Глухой лес. Поляна. Трупы оленей. Где-то в ста метрах от меня разбился вертолет. И –

скрытая деревьями – огромная змея (которая – на минуточку – моя девушка) насыщается кровью быть может еще живых браконьеров-олигархов.

Не похоже ли на эпизод из фильма ужасов?..

Считайте меня слабаком – но мне поплохело во всех смыслах, и физически, и психически.

Меня вырвало на траву и синие цветы. Мозг окутала темная пелена. Весь в соплях и слезах – я сидел, обхватив голову руками.

Не знаю, сколько времени протекло. Должно быть – немного. Над лесом, над поляной, над тушами оленей беззаботно пели птицы. По голубому небу плыли белые ватные облака. Одно облако напоминало ангела, второе – дельфина, третье – барашка...

Из-за деревьев вышла Акбала – и легкими шагами направилась ко мне. У нее уже не было ни кривых клыков, ни раздвоенного языка. Она сияла нежной улыбкой и протягивала мне руки.

– Милый, вот и я!..

Голосок Акбалы звенел, как родник.

Но я-то знал, что на деле значит это «Милый, вот и я!..» – «Милый, только что я в обличии ужасной длиннющей змеи высосала кровь из компании олигархов – любителей пострелять. И теперь сухие трупы браконьеров валяются в чащобе. Уж волки и лисы полакомятся мясом!..».

И при всем этом Акбала так тепло и почти по-детски улы-

бается!.. Небывалый контраст.

У меня окончательно сорвало крышу.

Я заплакал.

И выкрикнул в прекрасное личико Акбалы все, что накопило в моей искромсанной душе за много дней:

– Я люблю тебя. Слышишь?.. Но – черт тебя подери – как сложно любить тебя, колдунья!.. Я обычный парень. Я только обычный парень. Ты понимаешь?.. А ты... Ты не девушка!.. Ты... змея. Юха. Оборотень!.. Ты... ты сожгла мое сердце!.. Я трепетно тебя люблю – а ты... ты каждую субботу уходишь спать с другими парнями. Потому что – видишь ли – тебе надо похищать мужскую сексуальную энергию!.. Ты знаешь, что, когда приходит суббота – мне хочется выть, как волк на луну. Скрести ногтями бетон!.. А то, что ты питаешься еще и человеческой (даже не звериной!..) кровью – думаешь, это меня радует?.. Сколько на твоём счету жизней, Акбала?.. О, я сплю с убийцей – серийным убийцей. Здорово!.. Восхитительно!.. Да?.. И наконец: какое будущее нам светит, Акбала?.. Повторяю: я самый обычный парень. Через пятнадцать лет я превращусь в самого обычного дядечку – а еще через энное количество лет у меня перестанет стоять член!.. Наконец, я скрючусь и облысею – состарюсь. Тогда?.. Скажи, Акбала: что ты будешь делать тогда?.. Выкинешь меня, как дедовскую ветошь?.. Уйдешь – как кошка, которая гуляет сама по себе?.. Отыщешь нового любовника?.. Ты будешь цвести и через двести, и через четыреста лет – когда от меня и гнилых

костей не останется. Ты ведь и имя мое забудешь – да?..

Рыдания затягивали петлю у меня на горле.

Я беспомощно упал на траву...

17. Лесное озеро

...Чуток придя в себя и утерев воспаленные глаза – я посмотрел на Акбалу.

Она стояла – спокойная, как всегда, но задумчивая.

– Это правда... – медленно проговорила она. – ...Через три, пять, даже восемь столетий я буду жива и здорова. А тебя не будет.

Акбала подошла – и помогла мне подняться. Сказала:

– Я тебя люблю. Пойдем, милый. Нам не обязательно задерживаться здесь, на поляне, у трупов этих несчастных оленей.

Мое сердце рвалось на куски. Я испытывал запредельное отчаяние. Но мне уже стыдно было своей истерики. Покорный – я пошел за Акбалой.

За руку – как ребенка – Акбала повела меня в чащу.

Мы снова оказались в дремлющем царстве прохладного сумрака; кривые ветви сходились над нашими головами. Колочки кустов цеплялись за штаны.

Здоровенная черная улитка переползала замшелую колоду. Рыжая белка перелетала с дерева на дерево.

И не скажешь, что где-то совсем неподалеку было варвар-

ски расстреляно стадо оленей, потерпел крушение вертолет – а из браконьеров с вертолета выпила многометровая пятнистая змея.

Лес расступился. Перед нами легло – осыпанное золотыми сверкающими солнечными искрами – темное озеро. По берегам росли тростник, камыш, осока.

– Что – неплохо?.. – звонко рассмеялась Акбала.

Она вмиг скинула с себя всю одежду и – голая – бросилась в озеро.

Акбала нырнула – и долго не показывалась над поверхностью воды. Я даже начал волноваться. Но вот Акбала вынырнула на середине озера – и снова мелодично засмеялась.

Несколько минут я – слегка ошалело – наблюдал, как плещется nereидой или русалкой моя Акбала. А затем... сам обнажился – и сиганул в воду.

– Не поймаешь, не поймаешь!.. – весело воскликнула Акбала и проворно поплыла к противоположному берегу.

Я устремился за ней.

Мы долго играли в водяные догонялки. Акбала – смеясь и брызгаясь – ускользала от меня, как самка тюленя от распаленного самца.

Лес. Озеро. Обнаженная девушка. Это было истинное чудо. Как мы – наверное – могли резвиться первобытные люди, мужчина и женщина, захваченные почти звериной страстью.

Я – наконец – настиг Акбалу:

– Я выиграл, выиграл!..

– Твоя правда, чемпион.

Мы дружно погребли к берегу.

Когда вода была нам по щиколотки, я – горячо зарывав – повалил Акбалу. В воде и на черном иле мы сплелись в объятиях. Я долго целовал и мял грудь Акбалы. Акбала изгибалась и стонала.

Я вошел в нее – и после двенадцати ударов излил семя. Перевернул Акбалу на живот и – едва переведя дыхание – ворвался в нее сзади. Акбала даже вскрикнула протяжно.

Потом мы лежали – обсыхая – на траве.

– Кушать хочешь?.. – спросила Акбала через некоторое время.

Честно сказать: меня все еще немного мутило после зрелища гибели оленей и трансформации Акбалы. Но я кивнул:

– Да.

Акбала достала из сумки бутерброды и соленое печенье, контейнеры с острыми корейскими салатами. На берегу лесного озера мы устроили пикник.

– Жаль, нет огня и мяса, – сказал я, совсем успокоившийся. – Пожарили бы шашлык.

Акбала взяла меня за руку и заглянула мне в глаза:

– Дорогой мой. Ты сказал правду. Ты – человек, я – юха. Наш союз с тобой – это сложно. Я проживу семь или даже девять веков. А ты в течение пятидесяти-шестидесяти лет состаришься и умрешь. Это... навевает тоску. Но есть одно средство...

Я чуть не выронил пластмассовую вилку, которой ковырял корейский салат. Вскинулся:

– Акбала. О чем ты говоришь?..

Акбала села поудобнее. Поправила свои душистые длинные волосы – еще мокрые после купания. И сказала:

– Вот что, милый. В одном из параллельных миров – называемом «тонким» – растет волшебный цветок... Цветок долголетия... Если человек выпьет отвар лепестков этого цветка – обретет то самое долголетие... Понимаешь?.. Выпив отвар – ты, оставаясь свежим и юным, проживешь со мной семьсот или девятьсот лет...

У меня громче застучало сердце и подскочил пульс. Я перепугал Акбалу:

– Так мы можем проникнуть в тонкий мир и добыть волшебный цветок?..

Что-то о полных чудес параллельных мирах рассказывал мне Иван Ваныч.

Акбала слабо улыбнулась:

– Не мы. А ты, золотой. Я не всемогуща.оборотням путь в тонкий мир заказан. Туда способен проникнуть только человек. А в моих силах – открыть портал между мирами...

– Тогда открывай!.. – как воин под рев трубы, я вскочил на ноги.

Акбала с нежностью посмотрела на меня – и остановила жестом.

– Не спеши. Ты еще ничего не знаешь о тонком мире –

ни о том, как добыть цветок. Ты же не думаешь, что просто придешь на лужайку – и сорвешь цветок?.. Нет – это не простое предприятие. Помнишь: мы читали про Гильгамеша, который отправился за цветком бессмертия?.. Гильгамеш был богатырь, герой – и все же потерпел неудачу... По правде сказать: у тебя больше шансов погибнуть в тонком мире, чем вернуться назад с цветком долголетия...

Я дернулся. Дрожь волною прошла по моему телу. Я нервно сглотнул и сказал:

– Я готов попытаться.

Вся моя недолгая жизнь в вихре пронеслась перед моими глазами.

От смутных картин детства, когда я играл с резиновым ежиком – до нашего с Акбалой прихода в фаланстер.

Возможно, мой фитиль уже догорает: я пропаду в параллельном мире – от меня не останется даже костей. Что ж. Мне не о чем жалеть.

Я достиг предела мечтаний смертного мужчины: моей спутницей – пусть и на короткое время – стала восхитительная красавица, неутомимая в постели; не истеричка; любящая меня без всяких условий. Чем стареть, терять волосы и обрастать жирком – не лучше ли умереть теперь, в последний раз поцеловав свою ненаглядную?..

А если все-таки мой поход за цветком закончится успехом?..

О, ни в сказке сказать, ни пером описать – сколько я тогда

приобрету!..

Восемьсот лет – оставаясь молодым и полным мужских сил – провести в знойных объятиях любимой девушки. Разве это не слаще божественного нектара?.. Разве не стоит ради этого рискнуть своей непокрытой головой?..

– Я готов попытаться, – решительно повторил я.

Акбала обняла меня:

– Я вижу, рыцарь. Но, пожалуйста... побудь со мной еще пару часов...

Дыхание Акбалы стало прерывистым. Я увидел: на ее ресницах заблестели слезы.

Сердце мое екнуло и сжалось.

Я понял, как Акбала меня любит. Как она мною дорожит.

Я для нее – извините – не просто член, на котором можно попрыгать. Нет. Она отдала мне свою нежную душу. Болеет и боится за меня.

Представьте только, перед какой жестокой дилеммой стоит Акбала!..

Прожить с любимым лишь пятьдесят-шестьдесят лет – что для юха не больше, чем миг?.. Да и то – сколько из этих нескольких десятилетий я буду здоровым, красивым и сильным?.. Я же только человек.

Или толкнуть своего милого в портал, ведущий в тонкий мир?.. Заставить меня пройти по ножевому лезвию – с жалкими шансами на победу?.. Возможно – потерять меня?..

Не перед таким ли выбором без выбора оказывается во-

оруженный скальпелем хирург – когда делать и не делать операцию одинаково опасно?..

– Акбала... – я бережно прижал свою любимую к груди.

Еще два часа мы развлекались – как будто мне не предстояло никакое рискованное путешествие.

Мы доели бутерброды и салаты – приправляя вкусный обед остроумными шутками. Потом – держась за руки – обошли берега озера. Метров на двести углублялись в лес.

Над озером сияло солнце, бросающее на воду ослепительные золотые блики. В лесу царил приятный прохладный полумрак; на сто ладов пели птицы. Акбала сплела венок из желтых и фиолетовых цветов. Мы рвали землянику и чернику – и отправляли себе в рот.

Мир казался цветущим раем. Не верилось, что где-то неподалеку валяются окровавленные туши оленей и сухие трупы браконьеров. И что скоро я поставлю на карту свою жизнь – тоже не верилось.

Но когда протекли два часа – я положил руки на плечи Акбалы и сказал:

– Пора.

– Пора... – прошептала Акбала и приникла ко мне маленьким котенком. Я почувствовал, как ее бьет дрожь.

– Я вернусь, – обещал я.

– Ты вернешься. Я буду тебя ждать.

Акбала высвободилась из моих объятий. Смахнула с ресниц слезинки. Поправила волнистый локон. В глазах ее блес-

нула решимость.

Акбала взмахнула рукой – и в воздухе, в полуметре над землей, вспыхнул как бы огненный обруч.

– Иди, мой герой, – чуть прерывающимся голосом сказала Акбала. – Цветок долголетия будет твоим. Я люблю тебя.

– Я люблю тебя, – ответил я.

Я поцеловал Акбалу. И – как тигр на цирковой арене – прыгнул в кольцо огня...

18. Тонкий мир

На секунду я оглянулся: огненный обруч полыхал за моей спиной.

А вокруг меня вздымался лес – насколько хватало глаз.

Этот лес не был похож на тот, из которого я только что явился. Высоченные черные деревья неизвестной породы достигали толщины в несколько обхватов. Со скрипом – напоминающим стоны – шевелились корявые ветви, которые заканчивались отростками, сходными с узловатыми пальцами.

Я стоял на узкой тропке, едва пробивающейся сквозь темную чашу.

Я поднял голову: в небе не было солнца. Сумрак, наполнявший лес – казался зловещим.

Раздалось: «У-у!.. У-у!.. Крак-крак!..».

И на ветку вспорхнула большая серая птица – которую я

сначала принял за сову.

Но приглядевшись – я ужаснулся: у «совы» была человеческая старушечья голова. Страшное лицо в бороздах морщин. Торчащие во все стороны седые космы. Кривящийся в злобной ухмылке приоткрытый рот с единственным – и то обломленным – зубом.

На миг меня охватила запредельная паника. Я даже застоялся в голос.

Куда ты сунулся, парень?..

Чего ради?.. Зачем?..

Ты что – и в правду надеешься добыть цветок долголетия, который продлит тебе жизнь и молодость на несколько веков?..

Нет!.. Ты погибнешь здесь – в этом странном тонком мире, где летают здоровенные совы с головами старух. И никто тебя не похоронит.

Вот до чего довела любовь к оборотню!..

Что мешало тебе найти нормальную – то есть самую обычную – девушку?.. Пусть не такую красивую – не такую сексуальную – не такую заботливую. Но с которой тебе было бы спокойно, черт возьми!..

Жили бы в унаследованной мною от родителей квартире под опекой богатого дядюшки. Я бы сосал пивко перед телевизором – а девушка возилась бы на кухне. Тогда бы я и в психушку не загремел...

Я скрипнул зубами, прогоняя страх.

Не нужно мне «нормальное» счастье среднестатистического мещанина. И да: я хочу без боли в пояснице и провалов в памяти провести с горячей красоткой Акбалой шестьсот-восемьсот лет. Маленькую вечность.

За это стоит побороться. Вперед!..

Закусив губу, я двинулся по узкой неровной тропке. Исполинские деревья стискивали тропинку справа и слева – и точно норовили расплющить меня.

Лес ожил свистом, ревом и хохотом. Задевая меня крыльями и хвостами – надо мной проносились уродливые подобия нетопырей и какие-то летучие кобры. Тропинку перебежало что-то большое, паукообразное, с осьминожьими щупальцами. Во мраке вспыхнули чьи-то красные глаза.

Не передать, до чего мне было жутко. Но – твердя про себя, как молитву, имя Акбалы – я шел и шел.

Местами тропа глохла в густой траве; кое-где путь преграждал валежник.

Я перебирался через валежник. Топтал источающую резкий запах траву. И шел дальше, дальше.

Тропинка вывела меня к лужайке. Я застыл, пораженный. Посередине лужайки вспучивался холмик. На холмике сиял крупный синий цветок. А вокруг холмика несколькими кольцами обвился... дракон.

Длинное чешуйчатое страшилище с рогом на морде. Глаза дракона были закрыты. Чудовище – по всей видимости – спало.

Я приободрился.

Сейчас я тихонько подкрадусь – и сорву цветок. С драгоценной ношей двинусь обратно. И скоро нырну в огненный обруч – вернусь в родной мир, к Акбале. А дракон... пусть продолжает спать и смотреть сны про то, как набивает брюхо козами и баранами (или чем там питаются драконы?..).

Осторожный, как кошка – я двинулся по лужайке. Переступил через толстое тело дракона... Вспотевшей от волнения рукой сорвал цветок... И попытался с той же кошачьей бесшумностью покинуть лужайку...

Но злодейка-судьба посмеялась надо мной. Я зацепил дракона ногой.

Чудовище заизвивалось. Подняло голову. Скосило на меня открывшийся желтый глаз с черным вертикальным зрачком. Издало шипение – показав красный раздвоенный язык.

Я бросился бежать. Метнул взгляд через плечо: монстр меня преследовал. Дракон полз быстрее, чем можно было ожидать от такой – с виду неповоротливой – махины.

В первый момент я все же оторвался от чудовища. Но на тропинке я замедлился. Я спотыкался о валежник, о неровности почвы. Невольно затормозил, когда под ноги мне бросилось странное существо – нечто вроде муравья величиной с небольшую собаку.

Воздух кишел совами с головами старух, летучими змеями и мерзкими нетопырями. Деревья тянули ко мне шевелящиеся ветви – точно ловили меня за шиворот. Из чащи до-

носились рев, вой и кляцанье челюстей.

Дракон нагонял меня.

Но впереди уже полыхал оранжевым пламенем «обруч» – соединяющий миры портал.

Я напряг все силы – и увеличил расстояние между мной и драконом на несколько метров.

До портала оставалось не так далеко. Скорее!.. Скорее!.. Казалось: три четверти моих сил ушли в ноги. А оставшейся четвертью сил я прижимал к груди похищенный блестящий синий цветок.

Дракон начал отставать.

«Совы», летающие змеи и нетопыри в каком-то отчаянии вращали крыльями – и наполняли воздух криками.

Я готовился прыгнуть в портал.

Тогда дракон... дунул. На меня налетел мощный ветер – который растрепал мне волосы, потянул меня за одежду и... сорвал и рассеял лепестки синего цветка.

С голым стеблем в руке – я окаменел перед горящим «обручем».

Как?..

Я был так близок к успешному завершению дела. К тому, чтобы с цветком долголетия вернуться в свой мир. Тогда бы оставалось приготовить отвар из лепестков. И – здравствуй, счастливая многовековая жизнь с Акбалой!..

Но в последний момент все пошло прахом. Проклятый дракон!.. От его дыхания синие лепестки разлетелись по все-

му лесу. Не собрать – как стружки и опилки не склеишь в стол.

Теперь я понимал Гильгамеша – который потерял цветок бессмертия. Неужели все сказки о попытках человека встать вровень с богами имеют такой нелепый и печальный конец?..

Дракон был близко.

Дико сверкая овальными желтыми площадками глазищ, он разинул черную зловонную пасть с частоколом острых, как гвозди, зубов.

Мало того, что я лишился цветка. Не хватало только сгинуть в этом треклятом тонком мире. Быть сожранным вонючим драконом.

Я нырнул в портал.

Эпилог

На озерной глади сверкали тысячи золотых солнечных искр.

Под живительным ветерком шумел лес. Не тот жуткий лес тонкого мира с крылатыми кобрами и гарпиями – а наш земной лес, в котором гомонили безобидные птицы.

Навстречу мне торопливыми шагами шла Акбала.

– Акбала. Акбала... – срывающимся голосом произнес я. – Я не добыл цветок.

Я стоял, теребя зеленый стебель – все, что осталось от цветка долголетия.

– Слава богам – ты сам цел и невредим, – протягивая мне руки, сказала Акбала.

В глазах ее блестели слезы.

– Акбала, я люблю тебя, – сказал я то, что шло из сердца.

– Я люблю тебя, – откликнулась Акбала. – Я буду с тобой до тех пор, пока ты... пока ты не умрешь.

– Будем вместе, – сказал я, – до тех пор, пока это возможно. Быть может, когда я состарюсь – ты найдешь нового любовника. Я пойму. И до самой могилы буду перебирать – как драгоценный жемчуг – сладкие воспоминания о тебе...

– Да. Будем вместе, пока это возможно, – с волнением ответила Акбала. – Я тоже буду помнить тебя. Даже после твоей смерти. Я буду помнить тебя сто пятьдесят лет!..

С мокрыми глазами – я улыбнулся:

– А двести?..

– И двести – и двести лет буду тебя помнить!..

– Любимая!..

– Милый!..

Мы обнялись. И заплакали счастливыми жаркими слезами.

2022 г.